

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
«Минусинский региональный краеведческий
музей им. Н. М. Мартьянова»

**УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО
КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА**

Выпуск 4

Минусинск
2022

УДК 94(57):001.891
ББК 63.3(253):72.4(253)
У 91

Учёные записки Минусинского краеведческого музея имени Н. М. Мартьянова: [текст] / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова» – Вып. 4. – 138 с. : ил. - ISBN 978-5-0059-1583-2

Рецензенты:

В. Н. Тугужекова, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Южносибирского филиала ИИМК РАН

И. Н. Трошкина, кандидат философских наук, заведующий сектором экономики и социологии ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»

Руководитель проекта:

С. А. Борисова, директор музея

Редакционная коллегия:

Ответственный за выпуск: И. Л. Решетникова, учёный секретарь

Редакторы: О. Г. Ахремчик, зам. директора по науке

В. Г. Чернышёва, зав. издательским отделом

Макет, вёрстка: О. В. Войда, редактор

Печатается по решению научно-методического совета МБУК МКМ

В сборник вошли статьи исследователей, занимающихся изучением истории и культуры Южной Сибири.

Книга будет полезна как учёным, исследователям Саяно-Алтайского региона, так и читателям, интересующимся различными аспектами истории Сибири.

ISBN 978-5-0059-1583-2

© МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова»

Отпечатано в ООО «Издательские решения»

РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

УДК 902.

В. Я. Бутанаев

ХАКАСИЯ РАСКРЫВАЕТ НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Аннотация. Работа посвящена предварительному описанию новых памятников древнетюркской рунической письменности, найденных в 2015 году на территории Хакасии.

Ключевые слова. Древнетюркская письменность, руны, енисейские кыргызы, стелы, плитки для обучения письму.

V. Ya. Butanaev

KNAKASIA REVEALS NEW MONUMENTS OF ANCIENT TURKIC RUNIC WRITING

Abstract. Work on the preliminary description of the new monuments runic writing yenisey qyrgyz.

Keywords: Turc qwriting, runes, yenisey qyrgyz. Steles.

Одним из высших достижений культуры енисейских кыргызов является создание рунической письменности. В степях Хакасии сохранилось около сотни памятников «кладбищенской поэзии» VII – IX вв. н. э.

В августе 2014 года при паспортизации памятников древности в долине реки Абакан по заданию Хакасского национального

музея им. Л. Р. Кызласова (директор А. И. Готлиб) археологами под руководством Ю. В. Тетерина была обнаружена неизвестная ранее стела с древнетюркскими письменами. Она лежала у подножия горы Уйтаг на 64 км с левой стороны по трассе Абакан – Аскиз. Согласно хакасским легендам гора Уйтаг названа в честь легендарного героя Одженбега, погибшего в битве с врагами в данной степи.

В апреле 2015 года на место расположения находки к подножию горы Уйтаг выехал проф. В. Бутанаев, который осмотрел памятник и выяснил его историческое значение. Последний представляет обелиск с древнетюркскими письменами, поставленный в честь кыргызского героя, жившего в VIII – X вв. н. э. Он относится к очень редким находкам. Подобный памятник письменности, имеющий с двух сторон крупные надписи, на территории Хакасии был обнаружен археологом А. Н. Липским 50 лет тому назад в долине реки Уйбат. Он был прочитан впервые проф. В. Я. Бутанаевым. [Бутанаев, 1973] Ныне указанная уйбатская сабра (т. е. стела с надписью) находится в Хакасском национальном краеведческом музее.

Девятого июня 2015 г. проф. В. Я. Бутанаев доставил из степи долины Абакана в Хакасский национальный музей эту новую неизвестную ранее каменную стелу с кыргызской рунической письменностью.

Уйтагская каменная стела весит около полутора тонн, длина 2,5 м, ширина 50 см, толщина 46 см. Она сглажена со всех четырёх сторон. Этот камень представляет бывшее окуневское изваяние (II тыс. до н. э.) с мало заметной антропоморфной личиной, обрамлённой в верхней части солнечными лучами. На вершине памятника виден соляренный знак.

В центре передней плоскости стелы имеются две короткие строки одна над второй, перед которыми вырезана тамга из двух параллельных изогнутых дуг в виде крыльев, соединённых посередине глубокой линией. Длина линии 10 см, ширина размаха дуг 15 см. Подобные тамги на известных памятниках кыргызской письменности Енисея ранее не встречались. За

тамгой следуют две короткие строки, верхняя длиной 22 см, состоит из пяти крупных знаков. Высота рун 5 см. Нижняя строка состоит из трёх знаков, длиной 14 см. Руны верхней строки глубоко прорезаны и чётко читаются: «Кюнбил ат(ы)», т. е. его имя Кюнбил.

На правой боковой стороне находятся три строки кыргызской письменности длиной 71 см со знаками, несколько разрушенных временем. Верхняя строка состоит из 22 плохо сохранившихся букв высотой 4-5 см. Средняя строка состоит из 19 знаков и нижняя из 20 рун. Письменные знаки читаются плохо. В начале первой строки можно прочесть слово «эрдем», т. е. доблесть, затем «эрим» – мой воин и предположительно «адырылдынгыз» – вы отделились (т. е. скончались). В других строках также читаются только отдельные слова (см. приложения).

На обратной стороне памятника, лежавшей ранее «лицом» на поверхности земли, находятся три строки, расположенные по бокам. Первая строка длиной 60 см состоит из 11 знаков высотой 4-7 см (текст «в»). Две другие строки находятся с другого бока. Длина их составляет 120 см, высота знаков 3-4 см.

Кроме уйтагского памятника письменности, в 2015 году на берегу острова Гладкий по реке Енисей на территории Усть-Абаканского района Хакасии была найдена каменная плитка с рунической надписью. Ныне она хранится в Хакасском национальном краеведческом музее.

Её длина 8 см, ширина 9 см, толщина 1,7 см, длина надписи 6 см, высота букв 1,3 – 1,7 см. Надпись состоит из пяти хорошо читаемых знаков. Она гласит: «огын йер», т. е. место обучения. По всей видимости, такие плитки применялись в школах, в которых дети обучались кыргызской грамоте.

Хакасские фольклорные материалы донесли до нас память о древнем письме и об учебных пособиях, применявшихся в старинных школьных учреждениях. По поводу обучения грамоте у хакасов бытуют следующие загадки: «пиши-пиши ручка, записанный след (т. е. букву) не испортишь, познавший письмо китайчонок (т. е. ученик) выпущенную стрелу («огын», т. е. зна-

ния) не забудет». В других вариантах говорится: «пиши-пиши дощечка для письма, написанный след не испортится, смотревший его китайчонок выпущенную стрелу не забудет». [Бутанав, 2008, с. 334-335.] В данных примерах слово ручка, дощечка для письма или грифель обозначается по-хакасски словом «пан» и несомненно связано с древнетюркским «бан» – доска (для письма), а второе – «чыны» отождествляется с понятием китаец, что свидетельствует о большом культурном влиянии Китая. Оба термина ныне забыты и сохранились только в узаконных загадках.

В 1969 г. во время моей работы над прочтением уйбатского памятника письменности в музей зашла пожилая женщина В. И. Марьясова, 1917 г. рождения, из деревни Листвягово (по-хакасски «Инзее»). Эта деревня находится в устье реки Туба, впадающей в Енисей под горой Тепсей, как раз напротив острова Гладкий. Она мне поведала невероятную историю. В. И. Марьясова была сама родом из пашенных татар (т. е. оседлых хонгорцев), из княжеского рода кыргыз. На горе Тепсей находилась их родовая пещера. При входе в родовую пещеру с двух сторон, по её рассказу, стояли каменные львы. Когда ей было лет десять, то её отец Иван (по-хакасски Хароол) и дедушка Никифор (по-хакасски Чыко) обучали юную Марьясову древней кыргызской грамоте, которая была похожей на знаки уйбатского памятника. Буквы древнего письма были вырезаны у них на серебряных пластинках, аналогичных, как теперь становится ясным, найденной в этом году плитке. В 1929 году, при раскулачивании зажиточных Марьясовых, её отец и брат отца спрятали два сундука с серебряными вещами в родовой пещере в горе Тепсей. Вход в эту пещеру они замуровали. Поныне эти серебряные пластинки с письменами находятся там. В её маловероятный рассказ тогда я не поверил. Но в дальнейшем, при работе с архивными документами, мне встретились сведения о том, что действительно Марьясовы относятся к княжескому кыргызскому роду. [ГАКК. Ф.303. Оп.1. Д.11.] Кроме того, в Минусинском краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова действи-

тельно находятся два каменных льва, найденные на горе Тепсей. Необходимо отметить, что на этой горе имеются много надписей древнетюркского рунического письма, прочитанные тюркологом С. Г. Кляшторным.

Вполне возможно, исходя из указанных сведений, что знание древнетюркского рунического письма сохранялось у кыргызской аристократии вплоть до вхождения Хонгорая (Хакасии) в состав России. Например, в 1701 г. при заключении мира с Российским государством хакасские князья составили договор «за их татарским письмом», которое было непонятно русским переводчикам. К началу XVIII в. в делах Красноярской воеводской канцелярии накопилось кыргызских «одиннадцать писем, которые писаны на бумаге, да одно письмо на бересте, а подлинно оных писем перевести на русское письмо в Красноярске некому». [Бутанаев, 1990, с. 24.] К большому сожалению, Красноярская канцелярия в 1705 г. сгорела.

В целом надписи новой стелы с Уйтага читаются очень плохо. Чтение и перевод этого памятника древнетюркской письменности ждут учёных тюркологов.

Список литературы и источники:

1. Бутанаев В. Я. Новая Уйбатская сабра. // Учёные зап. ХаКНИИЯЛИ. Абакан, 1973. вып. 18, сер. фил. № 2. С.149-153.
2. Бутанаев В. Я. Этническая история хакасов XVIII – XIX вв. // Материалы к серии «Народы Советского союза». Вып. 3. Хакасы. М., 1990.
3. Бутанаев В. Я. Степные законы Хонгорая. Абакан, 2004.
4. Бутанаев. В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан, 2008.
5. Государственный архив Красноярского края. (ГАКК). Ф.303. Оп.1. Д.11.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Бутанаев Виктор Яковлевич,

академик Российской академии социальных наук,

доктор исторических наук,
профессор
(г. Абакан,
Республика Хакасия, Россия).
E-mail: astaibeg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Butanaev Viktor Yakovlevich –

Doctor of History, Full Professor;

Professor;

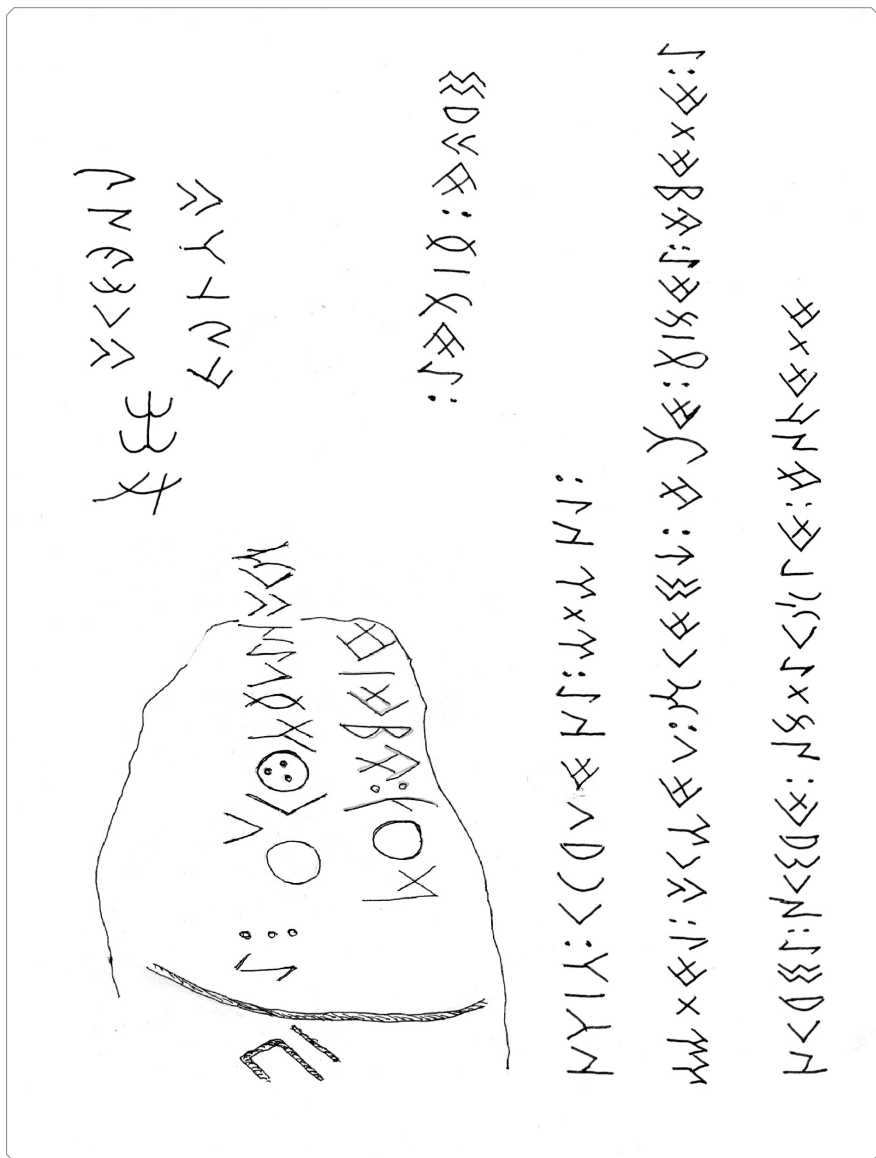
Member of the Russian Academy of Social Sciences;

Laureate of “TURKSOY” International Prize;

Honored Worker of Science of Kyrgyz Republic;

Honored Worker of Science of the Republic
of Khakassia (Abakan).

E-mail: astaibeg@mail.ru

Приложение. (Продолжение).

(текст „а“)

(текст „д“)

(текст „б“)

(текст „з“)

(текст „г“)

► Руническая надпись с каменной плитки – «огын йер» (место обучения). Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова (г. Абакан)

УДК: 323:008

Л. В. Ерёмин

ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В XVIII-XIX ВЕКАХ

Аннотация: В статье рассматриваются первые шаги научного освоения Хакасско-Минусинской котловины в XVIII-XIX веках. Для учёных XVIII века археологические памятники не являлись предметом специального изучения и включались в описание путешествий наряду с прочими достопримечательностями посещаемых мест. Однако введение в научный оборот сведений о них способствовало возникновению устойчивого интереса к сибирским древностям. По уровню же научного осмысления, выраженного как в создании классификации, так и в интерпретации значения археологических памятников Сибири, Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас и И. Г. Георги смогли опередить не только русскую, но и европейскую науку того времени. Выдающиеся исследователи XIX века заложили основу дальнейшего научного изучения историко-культурного наследия Хакасии и всей Южной Сибири, ими был обеспечен импульс, который позволил учёным XX века выйти на качественно иной уровень научного осмысления истории древних народов Сибири.

Ключевые слова: историко-культурное наследие, археология Хакасско-Минусинской котловины, культурный ландшафт, академические экспедиции.

L. V. Eremin

THE STUDY OF THE ANTIQUES OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN IN THE XVIII-XIX CENTURIES

Annotation: The article discusses the first steps in the scientific development of the Khakass-Minusinsk basin in the 18th-19th centuries. For scientists of the 18th century, archaeological sites were not the subject of special study and were included in the description of travel along with other attractions of the places visited. However, the introduction of information about them into scientific circulation contributed to the emergence of a steady interest in Siberian antiquities. In terms of the level of scientific understanding, expressed both in the creation of a classification and in the interpretation of the significance of the archaeological sites of Siberia, D. G. Messerschmidt, F. I. Stralenberg, I. G. Gmelin, G. F. Miller, P. S. Pallas and I.G. Georgi was able to get ahead of not only Russian, but also European science of that time. Outstanding researchers of the 19th century laid the foundation for further scientific study of the historical and cultural heritage of Khakassia and all of Southern Siberia, they provided an impetus that allowed scientists of the 20th century to reach a qualitatively new level of scientific understanding of the history of the ancient peoples of Siberia.

Keywords: historical and cultural heritage, archeology of the Khakass-Minusinsk basin, cultural landscape, academic expeditions.

Хакасско-Минусинская котловина — уникальный археологический регион России. Тысячи памятников археологии, вписанные в природный пейзаж, созданные с учётом линий гор и микроландшафта степей, представляют собой эффектное зрелище. Сформировался этот культурный феномен, прежде всего, благодаря природным факторам: климату и ландшафтам. Ландшафты – это обширные степные котловины, окружённые горами Западных Саян и Кузнецкого Алатау (Северный Алтай). Благодаря относительно мягкому климату в Хакасско-Минусин-

ской котловине всегда была более высокая, чем в других местах Сибири, плотность населения и, как следствие, большее количество памятников археологии [Буров, 2011]. Горные ландшафты создавали условия некоторой изоляции древнего населения Хакасско-Минусинской котловины от процессов, происходивших на просторах степей Евразии, поэтому здесь формируются самобытные и оригинальные культурные формы.

Хакасско-Минусинская котловина важна для исследования многих научных проблем: становления первобытного человека, заселения индоевропейцами территории Сибири, формирования культур скифо-сибирского культурного единства и раннего средневековья (хунну, тюрков, уйгуров, кыргызов и т. д.). Поэтому неудивительно, что эта территория привлекает пристальное внимание учёных на протяжении уже трёхсот лет.

В начале XVIII века начинается интенсивный процесс освоения Российским государством природных богатств Южной Сибири. Для этого, необходимо было собрать сведения не только о природе и ландшафтах, но и о ресурсах этой земли, а также народах, населявших обширные сибирские пространства. Именно это и стало основной причиной повышения интереса к историческому прошлому у первых исследователей Сибири. И хотя ранние описания и упоминания о культурном наследии Хакасско-Минусинской котловины появляются уже в конце XVII века [Бахрушин, 1937; Vitson, 1785; Спафарий, 1882; Ремезовская летопись, 2006], систематическое научное изучение начинается с экспедиции Даниэля (Даниила) Готлиба Мессершмидта (1685-1735) [Strahlenberg, 1730].

Свою работу в Хакасско-Минусинской котловине экспедиция Д. Г. Мессершмидта начала в 1721 году. Мессершмидт своими раскопками курганов на территории современного Богградского района Республики Хакасия, недалеко от устья реки Тесь, в январе 1722 года положил начало российской археологии [Белокобыльский, 1986]. Кроме того, огромную ценность представляют данные, собранные учёным, по лингвистике, этнографии и истории народов Сибири, прежде всего хакасов. Д. Г. Мессершмидт

описал некоторые обряды и объекты культового поклонения качинцев и сагайцев. Именно Мессершмидту и путешествующему вместе с ним Филиппу Иогану Страленбергу принадлежит первая попытка фиксации хакасского фольклора [Кызласов, 1962].

В 1739 году Хакасско-Минусинскую котловину посетили участники Второй камчатской экспедиции Герхард Фридрих Миллер (1705-1783) и Иоганн Георг Гмелин (1709-1755). Ими были проведены археологические раскопки, собраны этнографические и фольклорные сведения, сделаны описания курганов, в том числе, знаменитого Большого Салбыкского кургана, изваяний и памятников наскального искусства. В частности, Г. Ф. Миллером и И. Г. Гmeliным были уточнены копии изображений петроглифов на севере Хакасии, сделанных экспедицией Д. Г. Мессершмидта, расширена периодизация археологических культур, предложена классификация курганов, описаны обряды поклонений местного населения древним изваяниям и записаны предания и легенды хакасов [Греков, 1960; Миллер, 2006].

В 1771–1772 гг. долина Среднего Енисея стала объектом внимания участников академической экспедиции, которую возглавляли известные путешественники и натуралисты – Питер Симон Паллас (1741-1811) и Иоганн Готлиб Георги (1729-1802). Проведённые экспедицией археологические раскопки позволили П. С. Палласу предложить собственную классификацию древних курганов. Кроме того, они собрали значительные сведения об этнической культуре хакасов, их хозяйственно-бытовых традициях, зафиксировали разнообразные наскальные изображения и описали животный мир Хакасско-Минусинской котловины [Паллас, 1788].

Для учёных XVIII века археологические памятники не являлись предметом специального изучения и включались в описание путешествий наряду с прочими достопримечательностями посещаемых мест, однако введение в научный оборот сведений о них способствовало возникновению устойчивого интереса к сибирским древностям. По уровню же научного осмысления, выраженного как в создании классификации, так и в ин-

терпретации значения археологических памятников Сибири, Д. Г. Мессершмидт, Ф. И. Страленберг, И. Г. Гмелин, Г. Ф. Миллер, П. С. Паллас и И. Г. Георги смогли опередить не только русскую, но и европейскую науку того времени [Худяков, 1982].

Исследователи первой половины XIX века продолжили процесс накопления научных знаний об археологии Южной Сибири, обращая самое пристальное внимание на наследие Хакасско-Минусинской котловины. Григорий Иванович Спасский (1783-1864), историк и основатель журнала «Сибирский вестник», исследовал, описал и опубликовал многочисленные памятники археологии Хакасско-Минусинской котловины, в том числе, писаницы Среднего Енисея [Спасский, 1818]. Значительный вклад в изучение памятников древности внесли первый губернатор Енисейской губернии Александр Петрович Степанов (1781-1837) [Степанов, 1835] и енисейский окружной начальник Николай Алексеевич Костров (1823-1881) [Васенькин, 2000].

В 1847 году состоялась экспедиция лингвиста и этнографа Матиаса Александра Кастрена (1813-1852). На территории Хакасско-Минусинской котловины он провёл раскопки 14 курганов, исследовал рунические надписи и писаницы [Кастрен, 1999].

В 1860-е годы археологические памятники Хакасии и юга Красноярского края исследовал Василий Васильевич Радлов (1837-1918) – крупнейший специалист в области тюркского языковедения, фольклористики и этнографии. Он проводил раскопки курганов, изучал писаницы, изваяния, копировал рунические надписи, и через призму археологических источников осуществлял глубокую для того времени реконструкцию этногенеза местных племён [Радлов, 1887].

Созданный Николаем Михайловичем Мартьяновым (1844-1904) в 1877 году Минусинский музей стал своеобразным координирующим центром, объединившим любителей-краеведов и учёных в изучении историко-культурного наследия обширного региона Сибири. Фонды, архив и библиотека музея являются самым обширным собранием данных по историко-культурному наследию народов Саяно-Алтая [Кон, 1902].

Важнейшие описания уникальных историко-культурных комплексов Хакасии и юга Красноярского края были сделаны во время экспедиций Йоганна Рейнгольда Аспелина (1842-1915) в 1887–1889 годах. Рисунки могильников, петроглифов и изваяний, сделанные экспедицией, с большой точностью передают их состояние и облик, а эскизы культурных ландшафтов Хакасии до сих пор сохраняют для исследователей значение важнейшего исторического источника [Appelgren-Kivalo, 1931].

В 1881 году свою исследовательскую деятельность в Хакасско-Минусинской котловине начал Александр Васильевич Адрианов (1854-1920). В 1894–1898 годах им было раскопано множество курганов, изучены рунические надписи и наскальные рисунки. А с 1901 года он исследовал петроглифы бассейна реки Енисей, вплоть до Красноярска [Адрианов, 1902-1924].

Иван Тимофеевич Савенков (1846-1914) провёл обширное исследование памятников наскального искусства Среднего Енисея, многие его оценки значений тех или иных образов петроглифов сохранили актуальность до настоящего времени [Дэвлет, 1989]. Дмитрий Александрович Клеменц (1848-1914) был разносторонним исследователем, проводившим археологические раскопки, собирающим фольклор, формирующим для Минусинского музея коллекции минералов и предметов этнографии, публикующим материалы музейных фондов. География исследований Д. А. Клеменца – Саяно-Алтайское нагорье и Монголия [Козьмин, 1916]. Григорий Николаевич Потанин (1835-1920), занимаясь преимущественно географическими изысканиями, оставил значительный вклад в описании этнографического и археологического наследия тех народов, на территории которых проводились полевые исследования [Обручев, 1916].

Выдающиеся исследователи XVIII-XIX веков заложили основу дальнейшего научного изучения историко-культурного наследия Хакасско-Минусинской котловины и всей Южной Сибири, ими был обеспечен импульс, который позволил учёным XX века выйти на качественно иной уровень научного осмысления истории древних народов Сибири.

Список литературы:

1. Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. – Минусинск, 1902-1924. – С. 41-44.
2. Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // Г. Ф. Миллер. История Сибири. – М., Л., 1937. – Т. 1. – С. 6.
3. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. История идей и исследователей XVIII – первая половина XX в. – Новосибирск, 1986. – С. 18.
4. Буров В. Ф. Антропогенные ландшафты древней Минусы: историческое прошлое и экологическое настоящее. – Абакан, 2011. – 204 с.
5. Васенькин Н. В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея. – Т. 10. – Томск, 2000 – С. 35-47.
6. Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. – М., 1960. – С. 16-17.
7. Дэвлет М. А. И. Т. Савенков как исследователь петроглифов Енисея / М. А. Дэвлет // Советская археология. – 1989. – № 3. – С. 241-253.
8. Кастрен М. А. Путешествие в Сибирь. – Тюмень, 1999. – С. 225-228.
9. Козьмин Н. Н. Д. А. Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае. – Иркутск, 1916. – 27 с.
10. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902). – Казань, 1902. – 239 с.
11. Кызласов Л. Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. – М., 1962. – С. 43-52.
12. Миллер Г. Ф. «Описание сибирских народов». – М., 2009. – 456 с.
13. Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин: краткий очерк его жизни и деятельности. – М., 1916. – 23 с.
14. Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. III. – С. 13, 505-507, 537-538.
15. Радлов В. В. Этнографический образ тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. – Томск, 1887. – 16 с.
16. Ремезовская летопись: Факсимильное издание. – Тобольск, 2006. – Т. 1. – 80 с.

17. Спасский Г. И. О древних сибирских начертаниях и надписях // Сибирский вестник. – СПб., 1818. – Ч. 1. – С. 5-6.

18. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 году // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1882. – Т. X. – Вып. 1. – С. 40-41.

19. Степанов А. П. Енисейская губерния. – СПб., 1835. – Ч. 2. – С. 124, 128-129, 132.

20. Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск, 1982. – С. 7.

21. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von I.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 – 1889. – Helsingfors, 1931. – S. 4-180.

22. Strahlenberg Ph.I. Das Nord – und Ostliche Teil von Europe und Asia. – Stockholm, 1730. – S. 62.

23. Vitson N. Noord en Oost Tartarye. – Amsterdam, 1785. – P. 6-18.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Ерёмин Леонид Валентинович,
кандидат исторических наук,
Министерство культуры
Красноярского края (Россия)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Eremin Leonid Valentinovich,
Candidate of Historical Sciences,
Ministry of Culture,
Krasnoyarsk Territory (Russia)
e-mail: leo_eremin@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0107-1228>

УДК 902.2

П. Ю. Федоренко,
В. А. Конохов

**ГАЛЕРЕЯ ДРЕВНИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ
МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ИМЕНИ Н. М. МАРТЬЯНОВА: АКТУАЛИЗАЦИЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ**

Аннотация: В статье представляется история пополнения Галереи каменных изваяний Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. Также проводится обзор истории археологического изучения памятников. В коллекции музея насчитывается 62 единицы хранения. В музее представлены монументальные памятники первобытного искусства широкого временного промежутка с территории Южной Сибири. Наиболее ранние памятники относятся к эпохе ранней бронзы (конец III тысячелетия до н. э. – первая треть II тысячелетия до н. э.) и соответствуют окуневской археологической культуре. Они представлены изваяниями и погребальными плитами. Поздние памятники относятся к эпохе раннего средневековья (VI-X вв.) и иллюстрируют богатство древнетюркской литературной традиции в форме погребальных надписей на стенах. Исследователями было выделено три хронологических этапа, характеризующиеся основными вехами в развитии галереи: дореволюционный, советский и постсоветский. Более того, для каждого периода отмечен вклад исследователей в развитие как музея, так и археологии в целом. Также даётся информация о текущем состоянии галереи. Авторы обращают внимание на основные направления деятельности музея в области популяризации первобытного искусства и археологии Южной Сибири.

Ключевые слова: археология, первобытное искусства, ка-

менные изваяния, Южная Сибирь, Минусинская котловина, галерея.

P. Yu. Fedorenko,
V. A. Konokhov

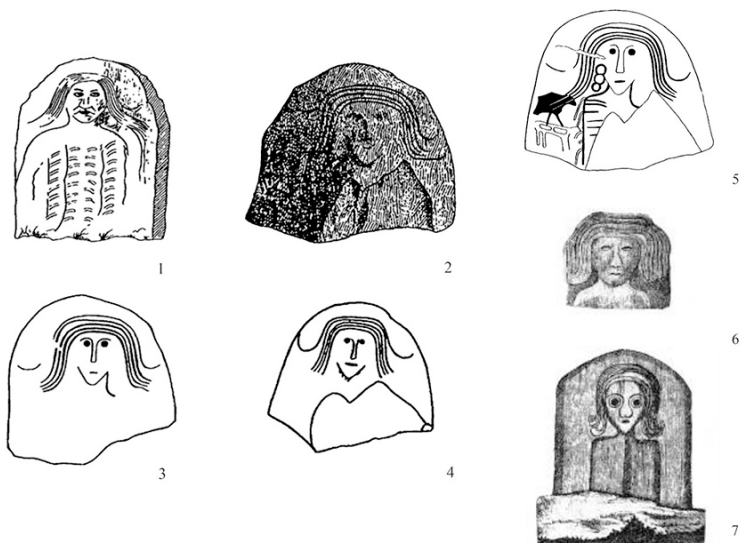
THE GALLERY OF ROCK MONUMENTS OF THE N. M. MARTYANOV MINUSINSK REGIONAL MUSEUM. ACTUALIZATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE

Abstract: The article presents the history of the replenishment of the Gallery of rock monuments of the N. M. Martyanov Minusinsk regional museum. It also provides an overview of the history of archaeological study of monuments. The museum's collection includes 62 items. The museum presents monumental monuments of prehistoric art from a wide time interval from the territory of Southern Siberia. The earliest monuments date back to the Early Bronze Age (late 3rd millennium BCE - the first third of the 2nd millennium BCE) and correspond to the Okunev archaeological culture. They are represented by statues and tombstones. Late monuments date back to the early Middle Ages (VI-X centuries) and illustrate the richness of the ancient Turkic literary tradition in the form of burial inscriptions on steles. Researchers have identified three chronological stages, characterized by the main milestones in the development of the Gallery: pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet. Moreover, for each period, the contribution of researchers to the development of both the museum and archeology in general is noted. Information about the current state of the Gallery is also given. The authors draw attention to the main directions of the Museum's activities in the field of popularization of prehistoric art and archeology of Southern Siberia.

Keywords: archeology, prehistoric art, rock monuments, Southern Siberia, Minusinsk Basin, gallery.

Статья посвящена ознакомлению с Галереей древних каменных изваяний Минусинского регионального краеведческого

Рис. 1. 1. Прорисовка памятника Хыс Тас: 1 – по Д. Г. Мессершмидту; 2 – по И. Р. Аспелину; 3 – по Э. Р. Вадецкой; 4 – по М. П. Грязнову; 5 – по Н. В. Леонтьеву, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есину; 6 – по М. А. Кастрену; 7 – по И. П. Фальку.

музея им. Н. М. Мартьянова. Насколько нам известно, в научной литературе до сих пор нет ни сообщения, ни публикации, освещающих историю пополнения и содержания Минусинского стелария. Нужно отметить, что, несмотря на скромное количественное наполнение экспозиции с древними каменными изваяниями – 62 единицы, история же её формирования довольно интересна. Несомненно, за историей стоят люди, без неопределимого вклада которых, не было бы такой монументальной и представительной археологической коллекции Минусинского музея. Мы считаем нужным попытаться показать общественности значимость вклада этих исследователей непосредственно перед галерей и музеем в целом, а также представить некоторые интересные инициативы музея для популяризации первобытного искусства и археологии Минусинской котловины.

Галерея древних каменных изваяний отражает не просто материальную историю искусного творчества древних мастеров, но

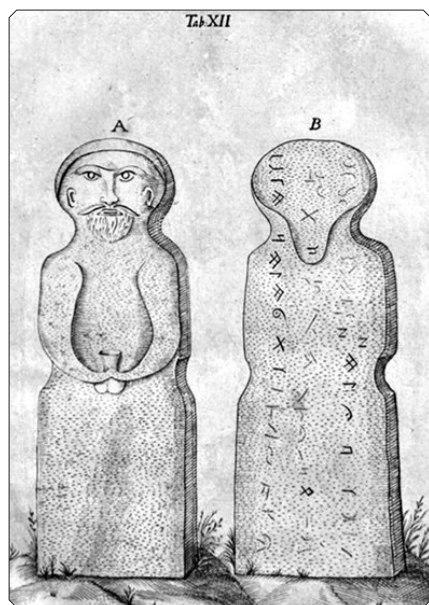

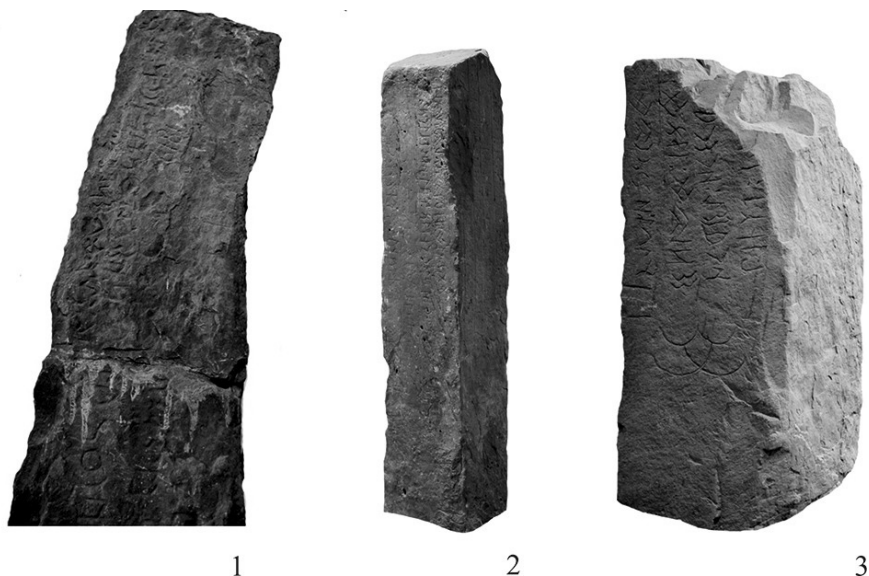
Рис. 2. Ербинский старик. Рисунок Карла Шульмана — участника экспедиции Д. Г. Мессершмидта.

и недоступную для абсолютного познания внутреннюю и невероятно сложную составляющую каждого памятника монументального искусства. На сегодняшний день постоянная экспозиция музея охватывает широкий хронологический диапазон существования традиции возведения каменных стел и изваяний в Южной Сибири. Согласно исследованиям, посвящённым изучению окуневской культуры периода ранней бронзы, можно отнести самые древние каменные изваяния именно к этому времени. В экспозиции Минусинского музея памятники выстроены в порядке, отражающем

хронологическое развитие изобразительной традиции. Таким образом, в галерее отражены следующие временные промежутки – эпоха ранней бронзы, эпоха поздней бронзы, скифская эпоха, хунно-сяньбийская и тюркская эпохи. Говорить о точной хронологической привязки объектов затруднительно, однако данная ситуация может только уточняться дополнительными археологическими и междисциплинарными исследованиями.

История формирования и пополнения коллекции каменных изваяний, стел и плит, как уже нами было отмечено, интересна. Нами было выделено три хронологических периода, отражающих ключевых моменты этого процесса – дореволюционный, советский и современный.

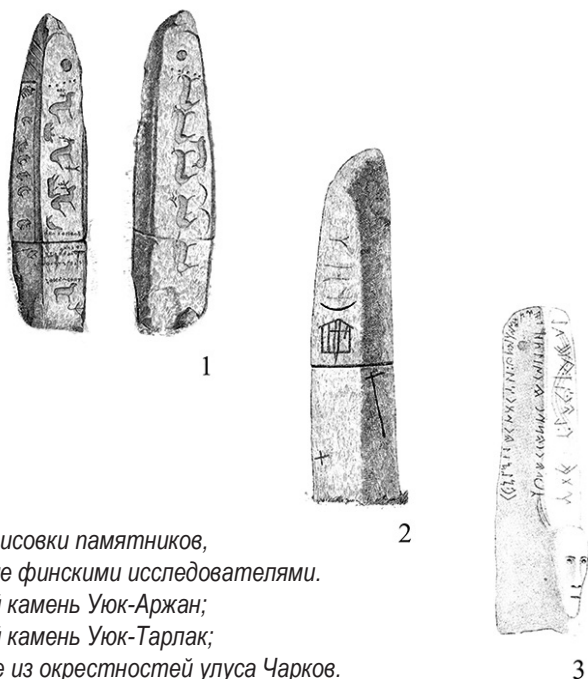
Первый период включает начало формирования и научного документирования памятников на территории Южной Сибири. Нужно отметить, что этот процесс начался задолго до открытия

Рис. 3. Стелы с руническими надписями, доставленные в музей в 1880-81 гг. из Шушенского. 1 – из окрестностей деревни Означенной; 2 – с устья реки Оя; 3 – из села Очурь.

первого в Енисейской губернии краеведческого музея, то есть до 1877 года. Ещё в 1721 году во время экспедиции по Сибири под руководством немецкого исследователя на российской службе Д. Г. Мессершмидта были письменно описаны и зарисованы первые древние памятники изобразительного искусства (рис. 1, 2) [8; 20]. Впоследствии эти памятники были в 1880-е годы обнаружены и доставлены Д. А. Клеменцем, человеком, внёсшим весомый вклад в развитие Минусинского музея – пополняя коллекцию, исследуя местность и популяризируя археологическую науку [5].

Основатель краеведческого музея Н. М. Мартьянов, не археолог по образованию, но человек с разносторонним кругом интересов, также внёс вклад в пополнение Минусинского стелария. Так, в 1880 году в коллекции появляется каменное изваяние барана с майдашинской заимки, расположенной

Рис. 4. Прорисовки памятников, выполненные финскими исследователями.

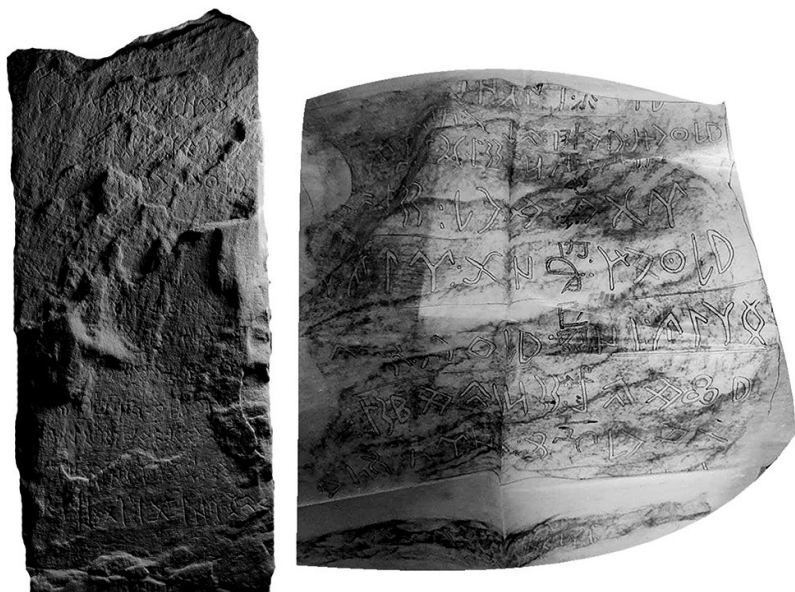
1 – Олений камень Уюк-Аржан;

2 – Олений камень Уюк-Тарлак;

3 – Изваяние из окрестностей улуса Чарков.

в 10 километрах от Минусинска на правом берегу Енисея. Н. М. Мартьянов публикует в 1885 году заметку об этой находке в Известиях ВСО ИРГО [14].

Интересен случай поступления в музейную коллекцию трёх стел с древнетюркской письменностью (рис. 3), доставленных из Шушенского приблизительно в одно время – между 1880 и 1881 годами. Они были привезены из волостного дома правления по распоряжению исправника Баранова [12, с. 45-50]. В Шушенское они были доставлены ещё в 1840-1850-е годы. Две стелы были привезены князем Н. А. Костровым из села Очуры и с реки Оя. Исследователь был сотрудником Сибирского отдела РГО и совершал научные экспедиции по Енисейской губернии, изучая жизнь и быт народов и работая в местных архивах. Третья стела с надписью была обнаружена в 1847 году в окрестностях деревни Означенной финским исследователем Матиасом Кастреном,

Рис. 5. *Фрагмент стелы и микалентной копии памятника Эль-Бажи.*

который занимался лингвистическими и отчасти археологическими исследованиями в Южной Сибири.

Появление финских исследователей из Гельсингфорского университета в Южной Сибири не случайно – здесь они вели археологические исследования, связанные с поиском «финно-угорской прародины». Исследования на территории Минусинской котловины и Тувы в 1887 – 1889 годы проводились под руководством И. Р. Аспелина, который отметил сходство енисейских надписей с древнегерманскими рунами. Взгляды исследователя были ошибочны, однако это не отменяет факта того, что ими была проведена качественная работа по документированию и введению в научный оборот памятников древнетюркской письменности (рис. 4) [21].

В истории пополнения музейного археологического фонда в конце XIX века сыграл важную роль и А. В. Адрианов, проводивший раскопки на территории Минусинского округа и Урян-

хайского края. Помимо каменных стел и изваяний Адрианов занимался изучением и наскального искусства Южной Сибири [1, с. 407-420]. Именно Александр Васильевич доставил в Минусинский музей наибольшее количество монументальных памятников изобразительного искусства – 15 единиц. В частности, он, будучи сотрудником Императорской Археологической Комиссии, проводил раскопки в 1895-1897 годах раннесредневекового погребального комплекса «Ташебинский чаатас», где были обнаружены в ограде и доставлены в музей 4 каменных изваяния, отнесённые в дальнейшем исследователями к окуневской изобразительной традиции [2].

В экспозиции представлено 4 оленных камня из Тувы, которые были также доставлены Адриановым в 1915-1916 годах в коллекцию музея на плоту [3, с. 132-135, 141-145]. Из них 3 камня были обнаружены и зафиксированы ещё финскими исследователями, так как на них находились древнетюркские надписи, которые очень интересовали исследователей. Памятники являются многослойными, так как на стелах отражены как минимум 2 периода их существования и использования – как погребального памятника в скифскую эпоху, так и погребального памятника периода раннего средневековья с древнетюркской надписью.

Остальные 6 каменных стел были обнаружены Адриановым также во время его археологической экспедиции в Туве [3, с. 131-153]. Одним из наиболее интересных объектов, на наш взгляд, можно считать стелу из местности Эль-Бажи в районе горы Хайрхан (рис. 5). Она также примечательна своей «многослойной» историей. Во-первых, в силу фрагментарности памятника – разломан на 4 части, его первые 2 фрагмента доставил Феликс Кон в 1902 году во время этнографического путешествия по Туве, а последние два фрагмента были доставлены А. В. Адриановым по указанному Коном местоположению спустя более 10 лет. Необходимо отметить, что Кон опубликовал первый исторический очерк о Минусинском музее в 1902 году, который представляет из себя подробный отчет о деятельности музея за 25 лет [7].

Во-вторых, на памятнике содержится 2 текста на разных языках – древнетюркская эпитафия, посвящённая военачальнику по имени Кара Барс, и вырезанная поверх неё китайская надпись от «главного каменщика», посвящённая его сыну. И косвенное в-третьих, касается международной заинтересованностью и последующим изучением этого памятника японским лингвистом Тэцу Масумото [13].

В 1907-1911 годах директором Минусинского музея был И. Т. Савенков, который вёл плодотворную археологическую деятельность на территории Минусинского округа. Благодаря ему в коллекции музея появились окуневские изваяния из Усть-Бюрьского чаатаса, улуса Тазмин и села Кавказское [16, с. 12; 17, с. 12]. В фондах музея были обнаружены фотографии с данными памятниками авторства как Савенкова, так и известного минусинского фотолетописца Н. В. Фёдорова, на которых запечатлены полевые моменты документирования объектов (рис. 6, 7). Также Савенков много сил вложил в изучение наскального искусства Ми-

Рис. 6. И. Т. Савенков документирует изваяние барана на Усть-Бюрьском чаатасе. Фото: Н. В. Фёдоров, 1910. МКМ Нст ОФ 5485.

Рис. 7. Тазминская стела. 1908. АМКМ Ф.2. О.3. Д.372. Л.2.

нусинской котловины, занимаясь документированием, описанием и анализом наскальных изображений.

В коллекцию музея в этот период поступали памятники изобразительного искусства от разных людей, равнодушных к сохранению культурного наследия и древней истории региона. К ним относятся такие личности, как золотопромышленник И. П. Кузнецов, семья купца Г. П. Сафьянова, краевед В. Ошурков, этнограф П. Островских, учитель Н. Попов, миссионер В. Суховский.

Таким образом, в дореволюционный период в коллекцию каменных изваяний поступило 41 единица.

Советский период пополнения музейной коллекции каменными изваяниями отличается академичностью исследователей, занимающихся археологическим изучением Южной Сибири. Так из 19 единиц, большая часть объектов изобразительного искусства относится к окуневским изваяниям и погребальным плитам, 1 плита к позднебронзовому времени, 4 плиты к скифскому времени и 1 стела с древнетюркской надписью. В Хакасии и Красноярском крае со второй половины XX века начинают проводиться масштабные археологические раскопки. Здесь работают как местные исследователи-археологи Н. В. Леонтьев, Э. Р. Рыгадлон, так и исследователи из Москвы и Санкт-Петер-

бурга – Г. А. Максименков, М. Н. Пшеницына, Л. Р. Кызласов. Появление окуневских плит из таких могильников, как Узун-Харых [6], Разлив Х [18; 19], Лебяжье I [4; 15], Усть-Бюрь [9], значительно дополнило и разнообразило музейную коллекцию. Большой вклад в пополнение музейной коллекции каменных изваяний внёс именно археолог Минусинского музея Н. В. Лео́нтьев [10; 11]. Он вёл разностороннюю археологическую деятельность, интересуясь всеми археологическими периодами развития

Рис. 8. Экспонирование стел в послевоенное время. МКМ Нст ОФ 4832, МКМ Нст ОФ 4984.

древнего человека на территории Южной Сибири. Нужно отметить, что им была организована большая работа в 1971 году по доставке в музей каменных изваяний с берегов реки Уйбат.

После постройки главного корпуса Минусинского музея в 1890 году памятники стояли на улице по периметру музея и частично в павильоне на территории музея. В таких условиях они были подвержены природно-климатическому воздействию, что способствовало меньшей физической сохранности. Судя по фотографии 1948 года, некоторые камни складировались в отдельном тесном помещении (рис. 8). Ситуация изменилась в 1981 году после постройки крытой галереи по проекту директора музея В. А. Ковалёва между двумя корпусами.

Постсоветское время для Галереи каменных изваяний ха-

рактируется большими шагами, но уже не в области пополнения музейного фонда, а в научно-популярной сфере. Всё же последними объектами, которые вошли в музейное собрание каменных изваяний, являются 2 погребальные плиты и изваяние полиморфного существа с могильника окуневского времени Черновая XI, который исследовался Н. В. Леонтьевым в 1998 году [11].

В 2013 году произошла реэкспозиция галереи каменных изваяний, что является важным шагом к организации довольно информативного музейного пространства. Здесь собрана коллекция музейных предметов, которые сопровождаются информационным дополнением для более качественного восприятия Галереи – фотографии из музейного фонда, прорисовки некоторых изваяний, подробный этикетаж.

Основной формой научно-популярного отражения Галереи в Музее являются обзорная и тематическая экскурсия. Также музей проводит выездную тематическую экскурсию на близлежащий от Минусинска памятник археологии и наскального искусства гору Шишка. В музее проводят мастер-класс по контактному копированию наскальных изображений, который направлен прежде всего на ознакомление аудитории с работой исследователя наскального искусства. Мастер-класс сопровождается лекцией о том, что является первобытным искусством, в каких формах и видах оно представлено, каким образом и зачем исследователи копируют наскальные изображения. Особенно внимательно мы относимся к освещению бесконтактных методов копирования в целях сохранения историко-культурного наследия и популяризации петроглифоведения.

Сегодня в XXI веке, когда технологии могут дать человечеству куда больше, чем просто материальное, музей представляется не просто физическим пространством. Виртуальная музейная ниша активно внедряется в повседневную жизнь людей. И сейчас, когда есть возможность открыть браузер и найти все интересующие ответы на вопросы буквально за несколько секунд,

уже не является проблемой узнать: «а что же может музей предоставить мне в Интернет-сети?».

В 2020-2021 годах Минусинский музей начал осуществлять несколько проектов, посвящённых научно-популярному ознакомлению с археологией и первобытным искусством Минусинской котловины. Научными сотрудниками музея была создана группа «Реплика» на площадке социальной сети Вконтакте. Эта группа посвящена изучению локальной истории и археологии. Здесь публикуются небольшие очерки о первобытном искусстве, также было проведено 4 очных заседания клуба, где научные сотрудники представляли лекции как по археологии, так и по истории. Также сотрудники музея снимают научно-популярные ролики об археологии Минусинской котловины. На данный момент на платформе Youtube вышло 6 выпусков «Древнейшего наследия Сибири».

Выход музея и его археологической коллекции в виртуальное пространство чрезвычайно важно, так как это позволяет большому количеству людей познакомиться с артефактами, используя смартфон или же компьютер. Так, например, в Минусинске работал коллектив лаборатории RSSDA. В результате чего была осуществлена трёхмерная визуализация 13 памятников из Галереи. Качественные 3D модели каменных изваяний и стел выложены в открытом доступе и позволяют любому пользователю сети осмотреть их при разном освещении, положении и без текстуры. Один из соавторов статьи сотрудничал с Новосибирским государственным университетом при реализации проекта «Наскальное искусство Южной Сибири». Проект представляет из себя открытый электронный образовательный ресурс, в котором содержатся 3D модели памятников наскального искусства Минусинской котловины с возможностью увидеть их без текстуры при разном освещении.

Сегодня Галерея каменных изваяний Минусинского музея не просто отражает объекты первобытного искусства Южной Сибири, но и показывает историю формирования коллекции, личностей, которые стоят за этим процессом. Немаловажным фак-

том будет являться и утверждение, что коллекция музея обладает научным потенциалом для будущих исследований и перспективных музейных проектов, оптимизирующих открытый доступ людей к экспонатам с помощью современных технологий.

Список литературы:

1. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 г. – Зап. РГО по общей географии. – Т. X. – 1888. – С. 149-422.
2. Адрианов А. В. Отчёт А. В. Адрианова о раскопке курганов, произведённых им в 1895 г. в пределах Минусинского округа Енисейской губернии. – ОАК за 1895 год. – СПб, 1897. – С. 141-151.
3. Беликова О. Б. Последняя экспедиция А. В. Адрианова: Тува, 1915–1916 гг.: археологические исследования. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2014. – 567 с.
4. Вадецкая Э. Б. Рисунки на плитах окуневского могильника у с. Лебяжье на правом берегу Енисея. – Вестник САИПИ. – № 6–7. – 2003–2004. – С. 8-17.
5. Клементи Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. – Томск: Издание Ин. Кузнецова, 1886. – 185 с.
6. Ключников Т. А., Заика А. Л. Плита из могильника Узун-Харых. – Материалы Международной научной конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения учёного и общественного деятеля Николая Константиновича Ауэрбаха (1892-1930). – Красноярск: СФУ, 2017. – С. 170-173.
7. Кон Ф. Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 г.). – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. – 260 с.
8. Копанева Н. П. Даниил Готлиб Мессершмидт: начало пути. – Наука из первых рук. – № 5 (59). – 2014. – С. 62-73.
9. Кызласов Л. Р., Кызласов И. Л. Исследования на территории Хакасии: о раскопках средневекового здания и окуневского кургана в районе ст. Ербинская и Усть-Бюрь. – Археологические открытия 1972 года. – Москва, 1973. – С. 222-223:
10. Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. – Абакан: Хакаское книжное издательство. – 2006. – 236 с.
11. Леонтьев Н. В. Новые окуневские стелы с речки Черновой. – ВСАИПИ. – Вып. 1. – 1998. – С. 15.

12. Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. – Москва, 1952. – 116 с.

13. Масумото Т. Китайская иероглифическая надпись на стеле с древнетюркскими руническими надписями из Эль-Бажы в Туве. – Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – №5. – Горно-Алтайск, 2000. – С. 113-119.

14. Мартьянов Н. М. Изваяния и изображения животных в Минусинском крае. – Изв. ВСОРГО. – XII. – № 4–5. – 1885. – С. 75-76.

15. Миклашевич Е. А. Некоторые дополнительные материалы в связи с публикацией плит из могильника Лебяжье. – ВСАИПИ. – Вып. 6–7. – 2003-2004. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 17-27.

16. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею и Общественной библиотеке за 1908/9 год. – Минусинск: Типография В. В. Фёдорова, 1910.

17. Отчёт по Минусинскому Мартьяновскому музею и Минусинской городской общественной библиотеке за 1910/11 гг. – Минусинск: Типография В. В. Фёдорова, 1912.

18. Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Курган Разлив X памятник окуневской культуры. – Окуневский сборник-2. – 2006. – С. 82-94.

19. Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X. – КСИА. – № 209. – 1993. – С. 58-67.

20. Тункина И. В. Археология Сибири в документах Д. Г. Мессершмидта. – Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – № 3 (96). – 2019. – С. 45-61.

21. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. – Helsingfors, 1931. – 134 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Федоренко Полина Юрьевна,

Кузбасский музей-заповедник «Томская Писаница»,

г. Кемерово,

polinafedorenko.98@yandex.ru

Конохов Владимир Андреевич,

ООО «Красноярская Геоархеология»,

г. Красноярск,

vladimir.konohov@mail.ru

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ СИБИРИ

УДК 94:388.439.6(571.51)»1914/1918»

О. М. Долидович

МИНУСИНСКИЙ УЕЗД В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: Рассматривается роль Минусинского уезда в снабжении населения Енисейской губернии в годы Первой мировой войны. Охарактеризованы специфика экономического положения и сельскохозяйственного производства уезда, показано развитие продовольственной ситуации в динамике, названы факторы, оказавшие влияние на ухудшение продовольственного снабжения населения. Сделан вывод о том, что продовольственные ресурсы Минусинского уезда позволили смягчить и отсрочить наступление продовольственного кризиса в губернии.

Ключевые слова: Енисейская губерния, Минусинский уезд, Первая мировая война, продовольственный кризис.

О. М. Dolidovich

MINUSINSKY DISTRICT IN THE FOOD SUPPLY OF THE POPULATION OF THE YENISEI PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract: The author examines the role of the Minusinsk district in supplying the population of the Yenisei province during the First World War. The specifics of the economic situation and agricultural

production of the county are characterized, the development of the food situation in dynamics is shown, and the factors that have influenced the deterioration of the food supply of the population are named. The author concludes that the food resources of the Minusinsk district made it possible to mitigate and delay the onset of the food crisis in the province.

Keywords: Yenisei province, Minusinsk district, First World War, food crisis.

Енисейская губерния, расположенная в глубоком восточно-сибирском тылу, начала испытывать тяжесть социально-экономических последствий Первой мировой войны позднее, чем Европейская Россия. Признаки продовольственного кризиса проявились спустя некоторое время, хотя продовольственный вопрос являлся для населения одним из наиболее актуальных. Несмотря на суровый климат, основой благосостояния населения являлось сельское хозяйство, которое характеризовалось такими чертами, как неустойчивость (частые локальные неурожайи), высокий уровень затрат на производство, географически неравномерное размещение и территориальная специализация. В этих условиях губернские власти возлагали особые надежды на ресурсы Минусинского уезда, расположенного на юге, с благоприятными климатическими условиями, плодородными и удобными землями, который являлся центром зернового и животноводческого производства.

Площадь Минусинского уезда в начале XX в. составляла 79 571,9 кв. вёрст (3,5 % площади губернии). К январю 1914 г. численность населения уезда достигала 297 046 человек (26,5 % населения губернии), к началу 1916 г. – 298 025 (27 %) [8, с. 1, 35; 10, с. 33]. Основным занятием русских крестьян-старожилов и переселенцев являлось земледелие. К началу XX в. в степной и лесостепной зонах утвердилась паро-залежная система земледелия, в таёжных местностях – паро-подсечная. Практически не применялись удобрения, поскольку благоприятных почвенных и климатических условий было достаточно для хороших урожа-

ев. В западной, степной части уезда использовались оросительные системы. Сеяли пшеницу, яровую рожь, овёс, рожь, кроме того возделывали картофель, коноплю, лён, горох и др. Земледельческие орудия были в основном примитивными: сибирская соха, деревянная с железными зубьями борона, серп, литовка и др. Сельскохозяйственная техника (молотилки, сеялки, жатки, конные грабли, сноповязалки и т. п.) использовалась только в крупных зажиточных хозяйствах. Средний сбор с десятины составлял 73 пуда, т. е. выше, чем в среднем по Енисейской губернии, Иркутской губернии и многих губерниях Европейской России. Урожай яровых – сам 4,5, озимых – сам 5,3 [1, с. 40].

Согласно подсчётам специалиста Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия П. П. Румянцева, в 1913 г. сбор продовольственных хлебов в Минусинском уезде составил 9 756,7 тыс. пудов (40 % общегубернского сбора), овса – 3 610,4 тыс. пудов (29 % соответственно), потребление – 5 408,3 тыс. пудов (30 %) и 2 704,2 тыс. пудов (30 %) соответственно. Избыток продовольственных хлебов в Енисейской губернии составил 6 566,2 тыс. пудов, овса – 3 698,0 тыс. пудов, из этого количества на долю Минусинского уезда приходилось 4 348,4 (66 %) и 906,2 тыс. пудов (24,4 %) [7, с. 49].

Население Минусинского уезда было в большей степени, чем население других уездов, обеспечено продовольственной и семенной помощью. К 1914 г. здесь находилось 214 из 712 хлебозапасных сельских магазинов губернии (30 % их общего числа). По объёму хлебных запасов местные магазины также лидировали: в 1914 г. наличного хлеба в магазинах, а также в ссудах и недоимках в уезде было 223 152 четвертей, т. е. 38,5 % от количества хлеба в хлебозапасных магазинах губернии [8, с. 11, 14; 9, с. 12.].

К 1917 г. в Минусинском уезде под посевами зерновых было 252 741,6 десятины (35,6 % от общей площади зерновых в Енисейской губернии). На втором месте после Минусинского находился Канский уезд – 238 304 десятины (33,6 %), однако по ценности возделывавшихся культур Минусинский уезд сохранял первен-

ство: до 50 % посевов занимала озимая и яровая пшеница, тогда как в Канском уезде – только 27 % [2, с. 8].

Хлеб являлся главнейшим предметом торговли, сплавлялся по Енисею в Красноярск и Енисейск, по рекам Кызас, Амыл, Сисим на золотые прииски, местные базары и ярмарки, винокуренные заводы. Сами производители доставляли свою продукцию лишь на ближайšie ярмарки и базары, на более дальние расстояния его отправляли уже скупщики. Цены были неустойчивыми – самая низкая цена держалась в сентябре-декабре, затем начинался постепенный рост, который достигал наивысших значений к лету. Колебания стоимости хлеба обусловливались спекуляцией и нестабильным спросом со стороны владельцев приисков.

С началом войны зимой 1914–1915 г. в Енисейской губернии наметился постепенный рост стоимости зерновых, который в дальнейшем лишь усиливался. Одна из главных причин заключалась в том, что правительственные заготовки для армии в Западной Сибири опустошили ближайший хлебный рынок. Иркутская губерния и Якутская область, ранее закупавшие хлеб там, теперь обратились к рынкам Енисейской губернии.

Следующий 1915 г. в Енисейской губернии выдался неурожайным. Крестьяне собрали ржи на 24 % меньше средних сборов за предыдущие пять лет, пшеницы – на 37–38 %, овса – на 54 %. Сильнее всего пострадал Красноярский уезд, более благополучная ситуация сложилась в Канском уезде, который дал 41 % хлебов и овса. В октябре – ноябре 1915 г. стоимость ржи и пшеницы была на 90–100 % выше цен осени 1914 г., овса, ячменя и сена – выросла в три раза [11, с. 14; 10, с. 9]. Хлебные цены начали увеличиваться и в Минусинске: если в мае 1915 г. пшеничная мука стоила 90 коп., ржаная – 52 коп., то в ноябре – 1 руб. 20 коп. и 1 руб. 15 коп. соответственно. В ноябре 1915 г. состоялось заседание Минусинской городской думы под председательством городского головы П. А. Бахова, на котором было принято решение о создании продовольственной комиссии. Гласные пришли к выводу, что стоимость хлеба росла, и для беднейших слоёв

населения он становился менее доступным. Кроме того, увеличивался дефицит всех продовольственных товаров: «Причины такого явления заключаются как в сокращении производства этих товаров, так и в расстройстве транспорта и спекуляции заводчиков и фабрикантов» [6, л. 68]. Статистических данных о потреблении хлеба горожанами (15 000 человек) не было, власти ориентировались на приблизительные подсчёты среднемесячного подвоза и продажи зерновых. В январе–феврале 1916 г. продовольственной комиссии удалось купить 96 000 пудов пшеницы и муки высшего качества [6, л. 68].

Урожай 1916 г. в Енисейской губернии был лучше предыдущего года. Однако широко развернулась спекуляция хлебом со стороны оптовых торговцев. Значительно увеличился потребительский спрос за счёт прибытия беженцев, военнопленных, роста численности войск в Иркутском военном округе, быстро распространявшегося самогоноварения. Из-за нарушения межрегиональных торговых связей, связанных с перебоями на железнодорожном транспорте, начался дефицит и дороговизна хлеба в городах (Красноярске, Ачинске, Канске) и северном Енисейском уезде. Наибольшую потребность в хлебе испытывал губернский центр. Красноярск ещё в 1915 г. получил правительственную ссуду на продовольственные операции в размере 100 000 рублей, а в конце года запросил ещё 400 000 рублей. На заседаниях красноярской городской думы гласные отмечали, что в целом ситуация не катастрофична, потому что с наступлением навигации можно будет приобрести зерно и мясо в Минусинском уезде. Они предполагали, что, несмотря на рост цен, продукты не исчезнут из продажи совсем. В 1916 г. ссуду на продовольственные операции в размере 100 000 рублей получил Ачинск, 75 000 рублей – Канск, которые также прибегали к закупкам в Минусинском уезде. Согласно заключению Енисейского губернского управления, в 1916 г. крестьяне Минусинского уезда были в достаточной степени обеспечены продовольственным и семенным хлебом. Город Минусинск получил ссуду

в размере 20 000 рублей под гарантии Особого совещания по продовольствию.

К концу 1916 г. дефицит хлеба в Енисейской губернии усилился. Губернатор Я. Г. Гололобов неоднократно направлял обращения в адрес «Центромуки» с просьбами разрешить покупку крупчатки и сеянки в Западной Сибири. Следовали ответы, что излишков зерна там нет, а Я. Г. Гололобов должен принять меры к закупке хлеба в пределах собственной губернии. 25 ноября 1916 г. состоялось продовольственное совещание, признавшее наличие торгового хлеба в губернии, который был сосредоточен в руках крупных оптовиков. Участники съезда мукомолов, представителей кооперативов и городских продовольственных комиссий Минусинского уезда, состоявшегося 29 ноября 1916 г., также констатировали существование больших запасов зерна в уезде, которые, однако, в продажу не поступали.

В январе 1917 г. в Красноярске состоялось очередное продовольственное совещание. Главным вопросом стал дефицит муки, который испытывали города Енисейской губернии, а также золотопромышленные предприятия. Местные газеты сообщали о наступлении «мучного голода». Истощились запасы даже в таких хлебобродных уездах, как Минусинский. «Вестник Красноярского городского общественного управления» сообщал: «Минусинск, хлебопромышленный центр Восточной Сибири, несмотря на обильный урожай последнего года, также переживает хлебный кризис. Подвоз зерна в город крайне ничтожен. Большинство мельниц стоит» [5]. По результатам совещания была направлена телеграмма на адрес председателя Особого совещания по продовольствию в Петроград, подписанная губернатором Я. Г. Гололобовым и депутатом Государственной думы С. В. Востротиним, с просьбой срочно усилить подвоз муки из Западной Сибири, предоставить местным властям право реквизиции при его закупке.

Весной 1917 г. министр земледелия А. И. Шингарев по поручению Временного правительства начал закупки хлеба в Маньчжурии. Хлеб предназначался населению Сибири и Степного

края ввиду ожидавшегося неурожая осенью 1917 г. В течение полугода было куплено 1,3 млн пудов пшеницы, 917 тыс. пудов крупчатки, 198 тыс. пудов овса, 505 тыс. пудов проса, 349 тыс. пудов гречневой крупы [3, с. 114.]. Однако летом в связи с падением курса рубля поступление маньчжурских продуктов резко сократилось, а крестьяне отказывались везти хлеб на ссыпные пункты. Осенью 1917 г. продовольственная ситуация стремительно осложнялась.

Минусинский уезд лидировал в Енисейской губернии и по скотоводству, что было обусловлено обилием степей. По данным А. В. Адрианова, в 1891 г. общее поголовье скота достигало 806 441 голов, из этого количества 130 414 – крупного рогатого скота, 175 666 – лошадей, 380 223 – овец, 13 636 – коз, 27 994 – свиней. У русского населения приходилось 4,8 голов скота на душу населения, инородцев – 12,6. Местный скот был мелким и не отличался высокими качествами, большую часть года он содержался на подножном корме. Осенью его продавали скупщикам по низкой стоимости, которая увеличивалась к весне. Лошадей, неприхотливых и выносливых, крупный рогатый скот обычно покупали на прииски, для населения Енисейского и Канского уездов, Иркутской губернии. Доходной частью хозяйства было разведение овец [1, с. 44].

Вопрос о динамике животноводства в годы Первой мировой войны сложен из-за состояния источников: выпуск статистических обзоров был прекращён, при проведении сельскохозяйственных переписей использовались разные методики подсчёта. Так, согласно данным «Статистического обзора Енисейской губернии за 1913 год», поголовье скота в Минусинском уезде достигло 967 570 голов (50 % поголовья Енисейской губернии) [8, с. 16]. По переписи 1917 г. поголовье скота составило уже 1 428 459 голов [4, с. 148–149]. Очевидно, что в условиях военного времени не могло быть такого значительно численного прироста. Таким образом, сопоставление сведений, полученных из разных источников, даёт недостоверные показатели.

В 1915 г. в Восточной Сибири начала работу Монгольская экс-

педия. Регион охватила широкая волна спекуляции, торговцы вывозили скот в те регионы, где цены были выше, или просто делали запасы в ожидании дальнейшего увеличения стоимости. Они имели преимущества на рынке, поскольку по твёрдым ценам велись государственные заготовки. При этом скупка велась самыми хищническими способами, наносившими ущерб сибирскому скотоводству. Однако тот факт, что Минусинский уезд был связан с другими территориями губернии лишь речным путём по Енисею, короткий период навигации, дороговизна гужевой доставки в определённой степени сдерживали темпы вывоза.

Из-за неурожая зерновых 1915 г. в губернии росла стоимость кормов (с 30–35 копеек за пуд сена в августе, до 80 копеек – 1 рубля в ноябре), что имело следствием забой скота. Горожане были обеспокоены, что к весне 1916 г. стоимость мяса вырастет значительно, а потому стремились сделать закупки до весны. Красноярск в срочном порядке запросил у Особого совещания ссуду на мясные операции в размере 100 000 рублей, Канск просил 200 000 рублей, Минусинск – 50 000 рублей. Все города получили отказ, поскольку, по мнению правительственных чиновников, цены на мясо в регионе были относительно невысокими. Сибиряки были разочарованы таким ответом, потому что действительно, зимой стоимость мяса ещё была приемлемой, но весной оправдались их самые пессимистичные прогнозы: крестьянского скота в продаже было мало, из-за бескормицы его продали ещё осенью; несколько оптовых торговцев-монополистов установили чрезвычайно высокие цены для горожан; скупщики вывозили мясо в Европейскую Россию, где спрос и цены на него были выше.

Таким образом, в годы Первой мировой войны в Енисейской губернии за счёт быстрого роста цен вначале снижалась экономическая доступность продуктов питания, которые составляли основу пищевого рациона жителей, а затем городские рынки стали испытывать их дефицит. В Минусинском уезде благодаря благоприятным природно-климатическим условиям и неразвитым транспортным коммуникациям (которые не позволяли вы-

возить хлеб и мясо в значительных объёмах в другие регионы) складывалась более благополучная ситуация в продовольственном отношении. Резервы уезда позволили также несколько смягчить и отсрочить наступление продовольственного кризиса для населения губернии в целом.

Список литературы:

1. Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1904. – 61 с.
2. Гидлевский К. Минусинская коммуна 1917–1918 гг.: из истории Октябрьской революции в Сибири / К. Гидлевский, М. Сафьянов и К. Трегубенков. М.; Ленинград: Соцэкгиз, 1934. – 297 с.
3. Оськин М. В. Китайский хлеб для России: русские продовольственные закупки на Дальнем Востоке в 1917 г. // Россия и АТР. 2015. № 2 (88). – С. 111–120.
4. Поуездные итоги Всероссийской Сельскохозяйственной и Земельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Вып. 2. М.: Типография М.К.Х. Козицкой, 1923. – 218 с.
5. Продовольственное дело // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1917. № 5–6. – С. 38.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.457. О.1. Д.691. Л.68. Дело об обеспечении населения Енисейской губернии продовольствием. 14 сентября 1915 – 28 января 1917 г.
7. Румянцев П. П. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики (районы Тургайско-Уральский, Акмолинский, Тобольский, Томский, Енисейский и Иркутский. СПб.: Типолитография «Экономия», 1914. – 485 с.
8. Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1914. - 81 с.
9. Статистический обзор Енисейской губернии за 1914 год. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1915. - 141 с.
10. Статистический обзор Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1916. - 155 с.
11. Фрумкин М. Продовольственные перспективы // Вестник Красноярского городского общественного управления. 1915. № 18–19. - С. 14

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Долидович Олеся Михайловна,

доктор исторических наук,

доцент кафедры современных

образовательных технологий

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»,

г. Красноярск

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Dolidovich Olesya Mikhailovna,

Doctor of Historical Sciences,

Associate Professor of the Department of Modern

educational technologies

Federal State Autonomous Educational Institution

of Higher Education «Siberian Federal University»,

Krasnoyarsk

УДК 94(47)08(571.5)

Т. А. Кискидосова

**МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ О СОСТОЯНИИ ГОРОДСКИХ БОЛЬНИЦ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.**

Аннотация. В статье на основе материалов региональной периодической печати рассматривается состояние городских больниц Енисейской губернии в эпоху модернизации. Приведены многочисленные примеры газетных публикаций, которые наглядно показывают недостатки в системе местного здравоохранения.

Ключевые слова: Енисейская губерния, города, горожане, периодика, больницы, здравоохранение, журналистика, Н. В. Скорняков, В. М. Крутовский.

Т. А. Kiskidosova

**MATERIALS OF THE REGIONAL PERIODICAL PRESS ON
THE STATE OF THE CITY HOSPITALS OF THE YENISEI
PROVINCE IN THE SECOND
HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURY**

Abstract. Based on the materials of the regional periodical press, the article examines the state of the city hospitals of the Yenisei province in the era of modernization. Numerous examples of newspaper publications are given, which clearly show the shortcomings in the local health care system.

Keywords: Yenisei province, cities, citizens, periodicals, hospitals, healthcare, journalism, N. V. Skorniyakov, V. M. Krutovsky

Обеспечение населения врачебной помощью всегда является одной из острых социальных проблем. В пореформенный период в различных российских регионах, несмотря на некоторые подвижки в развитии здравоохранения, местные власти не справлялись с его организацией. Некоторые вопросы истории медицины Енисейской губернии в дореволюционный период рассмотрены в ряде работ [Сизых, 2006; Куркатов, Тевеленок, Парфенова, 2012; Сунгуров, 2016; Кискидосова, 2016 и др.]. В то же время исследователи в меньшей степени уделили внимание вопросам врачебной помощи в эпоху модернизации. Данная тема требует более глубоко изучения в будущем.

Проблемы в области здравоохранения Енисейской губернии нашли живой отклик на страницах сибирских газет. Критике подвергались санитарное состояние, несвоевременное оказание медицинской помощи, дороговизна оказания медицинских услуг, нехватка врачей и оборудования и др. Особенно часто в периодике публиковали материалы об антисанитарном состоянии больниц. На протяжении рассматриваемого периода медицинское обслуживание находилось в примитивном состоянии. В 1890-е гг. житель Енисейска утверждал, что «медицинская помощь у нас находится в дореформенном состоянии» [Восточное обозрение, 1891, 14 апреля].

Вопрос оказания медицинской помощи неимущим слоям населения остро стоял в любом уголке страны. Здравоохранение в Енисейской губернии находилось на низком уровне, оно далеко не всегда соответствовало потребностям местных жителей. В городах не хватало больниц, амбулаторий, аптек, врачей, фельдшеров и акушерок. В 1860-е гг. во всех приенисейских городах (кроме заштатного Туруханска) имелись больницы. Каждое лечебное учреждение располагало штатным количеством кроватей. Все стационарные помещения для больных отличались теснотой и неудобством. Учитывая, что в то время в сёлах отсутствовали какие-либо лечебницы или заведения для оказания медицинской помощи населению, в городские больницы обращались больные со всей губернии. Например, Краснояр-

ская городская больница для горожан никакой роли не играла. В основном в ней размещались ссыльнопоселенцы. Городская больница приказа общественного призрения не могла вместить всех нуждавшихся в стационарном лечении [Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1265. Оп. 12. Д. 136. Л. 60б.].

Постоянная нехватка койко-мест в больницах являлась острой проблемой в местном здравоохранении. В 1878-1883 гг. во время эпидемии дифтерита в Канском, Красноярском и Минусинских округах городские больницы оказались переполненными и, следовательно, были не в состоянии разместить больных. В Красноярской городской больнице к имевшимся 125 местам добавили 60 дополнительных кроватей. На самом деле она была очень переполнена, количество пациентов достигало до 400-450 чел. Для того, чтобы разместить всех больных, сдвигались кровати и на одно место клали по 3-4 чел. Больничные койки располагались в палатах и коридорах, при нехватке кроватей пациенты лежали на полу [Иркутские губернские ведомости (ИГВ), 1886, 9 июля]. В Енисейской больнице на одной кровати умудрялись разместить 4 чел., они «укладывались различными способами по два человека в одном направлении и по два валетом, ногами в противоположные стороны». Естественно, что в таких условиях не соблюдались никакие санитарно-гигиенические нормы. На одной кровати могли оказаться пациент хирурга и пациент терапевта [Восточное обозрение, 1901, 17 января]. В случаях начала эпидемий дифтерита, скарлатины, тифа и других инфекционных заболеваний, которые периодически начинались в городах, найти свободное место в больнице часто не представлялось возможным [Енисейский край, 1906, 8 октября]. Согласно статистическому отчёту по Енисейской губернии за 1884 г., во всех окружных городах кроме губернского Красноярска больницы находились в неудовлетворительном состоянии из-за тесноты помещений и ветхости зданий. В отчётном году во всех больницах из 4397 больных умерли 579 человек. [Сибирский вестник, 1885, 24 декабря].

Городские больницы принимали не только больных, в них находили приют поселенцы, получившие увечья, оставшиеся без работы, родственников и крова, немощные и дряхлые бродяги. Больница превращалась в богадельню, где на одного больного приходилось по два-три бесприютных поселенца. «Вся эта масса искалеченных и надорванных работой на золотых промыслах, бродяжничеством и ссылкой, – писал врач В. М. Крутовский, – с наступлением холодов вынуждена замерзнуть и умереть с голоду, если не удастся попасть в больницу на казенное тепло и содержание» [ИГВ, 1886, 9 июля]. В Енисейске наблюдались случаи, когда бездомных старых людей специально отправляли в больницу умирать. Горожане избавляли себя от ненужных хлопот, связанных с уходом за престарелыми родственниками и в дальнейшем организации их похорон. Погребение осуществлялось за больничным счёт. Даже монахи местного монастыря привозили своих стариков в больницу, не обременяя себя уходом за ними. В 1894 г. в Енисейской больнице по причине старости скончались 18 чел. [Восточное обозрение, 1901, 17 января].

Для поселенцев пребывание в больницах обходилось совершенно бесплатно, тогда как для местных жителей пребывание на дневном стационаре было платным. В 1888 г. для мещан и крестьян месячная плата за место в больнице составляла 9 руб. 30 коп., при этом не учитывалось, сколько времени пребывал больной (месяц или 1-2 дня). Для бедных слоёв населения такая сумма представлялась достаточно высокой. Больной предоставлял в контору больницы поручительство от общества, к которому он был приписан. Многие горожане предпочитали лечиться на дому [Сибирская газета, 1888, 31 января].

В 1884 г. при Красноярской городской больнице открылось родовспомогательное отделение и при нём повивальная школа, занимавшаяся подготовкой для сёл повивальных бабок. В родовспомогательном отделении находился временный приют для новорождённых, которых не пожелали забрать матери. Родовспомогательное отделение расположилось в старом и

ветхом здании с четырьмя комнатами [Сибирская газета, 1884, 1 апреля].

В первой половине 1880-х гг. красноярские врачи подняли вопрос об обеспечении медицинской помощью бедных слоёв населения. Устройство амбулатории с бесплатной раздачей лекарств позволило бы хоть немного облегчить участь неимущих горожан. 30 октября 1883 г. на заседании городской санитарной комиссии доктор В. М. Крутовский выступил с предложением открытия лечебницы с оказанием дешёвой медицинской помощи для бедных жителей. Красноярский купец Л. П. Кузнецов пожертвовал 12 тыс. руб. на строительство здания лечебницы [Восточное обозрение, 1890, 3 июля]. В ноябре 1883 г. В. М. Крутовский вновь поднял вопрос об открытии в Красноярске бесплатной и правильно организованной амбулатории. «Выписанные рецепты и дороговизна лекарств не посылны бедным слоям населения, – писал врач, – равносильны лишить его медицинского пособия. Всё это приводит к развитию шарлатанства и знахарства». Он заявил о своей готовности совместно с врачами П. И. Рачковским и Пикоком вести приёмы в амбулатории. В. М. Крутовский возлагал большие надежды на финансовую поддержку частных лиц, а также купеческого и мещанского обществ. Однако известному красноярскому врачу не удалось воплотить свои планы в связи с отъездом из Красноярска в Санкт-Петербург [Сибирская газета, 1884, 12 августа]. Его отсутствие в городе оказалось недолгим, и в скором времени врач вернулся. В 1885 г. В. М. Крутовский, только приехав в Красноярск, продолжил свою профессиональную и общественную деятельность (прим. авт.). Он вновь занялся проблемой открытия бесплатной амбулатории. Владимир Михайлович возлагал большие надежды на субсидию Синельниковского благотворительного общества. Однако после того, как ему отказали в финансовой поддержке, он выступил в газете «Сибирская газета» с критикой руководства благотворительного общества [Сибирская газета, 1885, 19 мая].

19 января 1884 г. санитарная комиссия приняла решение об

учреждении в Красноярске бесплатной амбулатории для бедных больных. С этой целью ассигновали 2 тыс. руб., которые остались от пожарного капитала, пожертвованного в 1881 г., что позволило приобрести медикаменты и инструменты для лечебного заведения. Однако открытие лечебницы затянулось почти на полтора года по причине недостаточности средств. Санитарная комиссия просила денежного содействия у мещанского и купеческого обществ, но они отказали в поддержке. Члены комиссии обратились к частным благотворительным организациям, раздав 20 подписных листов для сбора пожертвований. Однако подписанными оказались только 2 листа на сумму 100 руб., этой суммы было недостаточно даже для приобретения необходимой мебели. Складывалось впечатление, что горожане равнодушно относились к открытию лечебницы для бедных. Пожертвованные 100 руб. от предпринимательницы Е. П. Кузнецовой позволили амбулатории начать оказывать медицинскую помощь малоимущим жителям. Практически все городские врачи пожелали бесплатно вести приём больных в лечебнице для бедных. По этому поводу В. М. Крутовский писал: «Бескорыстие и готовность врачей безвозмездно жертвовать своими трудами и временем, более всего содействовали открытию амбулатории и тем дали возможность больному люду хоть сколько-нибудь утереть свои слёзы» [Сибирская газета, 1885, 16 июня].

2 июня 1885 г. в Красноярске стала действовать амбулатория для бедных. Лечебница открылась за счёт собранных частных пожертвований, тогда как такие общественные учреждения, как городская дума, купеческое и мещанское общества отказали в субсидии. Они не стали помогать, по причине неуверенности в практичности и полезности данного заведения. Первоначально лечебница обслуживала преимущественно городских жителей. В первые три месяца к врачу бесплатной лечебницы обратились 907 горожан и 183 сельских жителя. Согласно постановлению санитарной комиссии, за один приём пациенту требовалось заплатить в среднем 15 коп., при этом предусматривалась бесплатная раздача лекарств. Часть больных, отно-

сившихся к неимущим слоям общества, могла попасть к врачу на бесплатный приём. Всего подобных пациентов принимали семь врачей в специально отведённое время с 9 часов утра до 13 часов дня. Кроме ведения бесплатного приёма в лечебнице врачи посещали тяжелобольных на дому [Сибирская газета, 1885, 20 октября].

Созданное в 1886 г. Общество врачей Енисейской губернии, стало заведовать амбулаторией для бедных, открывшейся в этом же году в Красноярске. Позднее при амбулатории появились: хирургический барак, фельдшерская школа и аптека [Справочные ведомости врачей, 1906. № 17-18, 1-15 сентября]. Через несколько лет специальные медицинские заведения для неимущих горожан возникли в других приенисейских городах: Минусинске, Канске, Енисейске, Ачинске. В Канске при амбулатории действовали родильный покой и аптека. Врач, фельдшер и акушерка для лечебницы содержались за счёт городского бюджета [Отклики Сибири, 1914, 19 января].

Ещё в первой половине 1890-х гг. мещанское общество Енисейска обратилось к местным врачам с просьбой оказания бесплатной медицинской помощи бедным горожанам. Подобное обращение объяснялось тем, что больные из-за отсутствия средств не показывались на врачебном приёме и, следовательно, не могли купить лекарств в аптеке. Сами врачи не были заинтересованы лечить пациентов, не выполнявших их предписания. Редким исключением из правил был врач С. Я. Елпатьевский, который за время своего пребывания в Енисейске никогда и никому не отказывал в бесплатном приёме. Он отвёл определённое время для приёма малоимущих енисейцев – ежедневно с 8 до 10 ч. утра, кроме воскресенья и праздничных дней. Однако другие врачи не пожелали последовать такому примеру. Спустя несколько лет городская общественность подняла вопрос об открытии небольшой бесплатной лечебницы, рассчитанной на 5-6 кроватей. Предполагалось принимать в основном рожениц и пациентов с лёгкими операциями [Сибирский вестник, 1886, 15 июня]. Однако в 1880-е гг. ни у городской думы, ни у мещан-

ской управы не имелось достаточных средств на её устройство. Городская общественность надеялась на благотворительную поддержку со стороны состоятельных людей города [Восточное обозрение, 1887, 8 января].

Большая часть енисейских крупных предпринимателей предпочитала делать пожертвования на иные нужды. По этому поводу красноярский журналист Н. В. Скорняков, зная о нехватки финансов у мещанского и купеческого обществ, обратился через периодическую печать к предпринимателям: «Недостаток средств не должен тормозить дело. А. К. Матонин завещал свой капитал на благотворительные дела. Золотопромышленники могут пожертвовать. Заботы о бедности – это вечный нерукотворный памятник, который не забудет потомство, как не забыло А. А. Кобычева, сделавшего много доброго беднякам и память о нём живёт до сих пор». Далее журналист и общественный деятель предположил, что лечебница могла бы содержаться на средства городской думы и мещанского общества. Он полагал, что при полной готовности врачей содействовать данному делу, «участие городской думы более чем необходимо». По подсчётам Н. В. Скорнякова, городские власти затрачивали бы ежегодно 1 тыс. руб. на содержание помещения, отопления, лекарств и сторожа. Заботы по хозяйственной части находились бы на содержании мещанского общества [Сибирский вестник. 1886, 15 июня]. В 1890 г. енисейские мещане пожертвовали 500 руб. на устройство лечебницы [Енисейские губернские ведомости. 1890, 20 апреля]. Однако этих средств не хватило на её учреждение, поэтому на ожидание ушло ещё несколько лет. Только благодаря стараниям Н. В. Скорнякова, лечебница открылась в 1896 г. Местное мещанское общество выделило из собственного капитала 945 руб. на нужды заведения [Енисей, 1894, 24 июля]. Лечебница функционировала на проценты с капитала, плату с больных и пожертвования. На её содержание городские власти выделили всего лишь 208 руб. в год. Очевидно, что этой суммы не могло хватить даже на жалованье врачу. Покупка хирургических инструментов осуществилась только на

средства, собранные от частных лиц. Родильный покой и бесплатная аптека при лечебнице содержались также за счёт благотворительных взносов [Терскова, 2019: 345].

В 1895 г. в Минусинске появилась амбулаторная лечебница для бедных горожан. Инициатором создания подобной амбулатории стал прибывший из Красноярска врач И. Е. Козлов. Он был назначен заведующим лечебницей, его помощницей стала фельдшер К. Ф. Девятова. Лечебницу разместили в здании, где ранее находилась мещанская управа. По мнению очевидцев, появление подобного медицинского заведения способствовало существенному снижению знахарства в городе [Енисей, 1896, 14 апреля]. Неимущие слои населения принимались бесплатно, остальные платили за приём от 15 до 25 коп. Практически для всех больных полагалась бесплатная раздача необходимых лекарств из аптеки, принадлежавшей лечебнице. Несмотря на скудость местного бюджета, Минусинская городская дума обязывалась ежегодно выделять на нужды амбулатории по 500 руб. На первоначальное устройство лечебница получила 950 руб. Хорошим подспорьем стала оказанная благотворительная помощь со стороны местных предпринимателей М. А. Гусевой, И. П. Кузнецова, Н. П. Барташёва. Каждый из них пожертвовал по 200 руб. [Восточное обозрение, 1895, 16 апреля]. В среднем один врач ежедневно принимал по 20-30 больных [Енисей, 1896, 10 июля].

Естественно, что лечебницы для бедных пользовались большой востребованностью у значительной части населения. Ежегодно отмечался рост пациентов из простонародья. В основном туда обращались мещане, около 1/3 – крестьяне пригородных деревень. Содержание амбулатории требовало значительных затрат. Кроме лечения, малоимущие больные получали бесплатно еду – молоко и пшеничный хлеб. При этом плата за приём (15 коп.) оставалась неизменной и не повышалась. Несмотря на то, что в Красноярске в лечебницу обращались в основном мещане, мещанская управа за семь лет только один раз выдала лечебнице пособие. Периодически помощь оказывала городская дума, выдавая дополнительные средства. В 1892 г. городские

власти выделили лечебнице 250 руб. [Енисейский справочный листок, 1892, 29 марта].

В 1903 г. в Красноярске назрела острая необходимость открытия второй городской амбулатории для бедных. Единственная амбулатория не могла вместить всех больных, не хватало врачей и обслуживавшего медицинского персонала, требовалось необходимое медицинское оборудование. Кроме этого единственная лечебница для бедных испытывала нехватку средств по содержанию, возникла задолженность перед городской аптекой. Общество врачей обратилось в городскую управу с просьбой ходатайствовать перед городской думой о назначении единовременного пособия лечебниц для бедных в размере 1700-1800 руб. Однако управа отклонила просьбу Общества врачей. Свой отказ она объяснила плохой организацией и чрезмерным расходом средств амбулаторией. В вопросе бесплатной раздачи лекарств и открытии ещё одной амбулатории для бедных разгорелась ожесточённая полемика между Обществом сибирских врачей и некоторыми гласными городской управы. Особенно активно против общества выступали гласные А. Г. Смирнов, Е. Ф. Кудрявцев, Д. Е. Лаппо и П. С. Троицкий. Их оппонентами выступили врачи во главе с председателем Общества В. М. Крутовским. Казалось, что некоторые гласные сводили личные счёты с врачами, выступая против их благих намерений. Д. Е. Лаппо, заранее начавший предвыборную кампанию и стремившийся устранить кандидатов на предстоящих выборах в Государственную Думу, критиковал деятельность Общества врачей. Он обвинял местных врачей в плохой постановке хозяйственной и врачебной организации амбулатории, отсутствии хирургического барака и т. д. Резкие нападки А. Г. Смирнова объяснялись тем, что он являлся владельцем аптеки и, соответственно, защищал собственные интересы, не желая терпеть убытки. Удивительно, что против предложения Общества врачей выступили даже либерально настроенные гласные управы [СВВ, 1906, № 17-18, 1-15 сентября].

Вопрос о строительстве дополнительной амбулатории для бедных был поднят в Минусинске в 1916 г. Действовавшая ле-

чебница по причине сильной перегруженности не удовлетворяла потребности всех горожан. Городская дума отклонила предложение о строительстве новой амбулатории, ссылаясь на отсутствие средств. Врач продолжал прописывать рецепты на получение бесплатных лекарств в городской аптеке. В среднем в год выписывалось лекарств на сумму около 3 тыс. руб. [Минусинский вестник, 1916, 16 октября]. Переполненность больницы была и в других городах. Согласно положению, в 1910 г. в Красноярской городской больнице в терапевтическом и инфекционных отделениях полагалось не более 151 кровати, но по факту имелось – 162. В родильном и психиатрическом отделениях также требовалось расширить помещение [Красноярский хроникер, 1910, 9 мая].

Нехватка мест в больнице оставалась постоянной проблемой в начале XX в. Только в августе 1908 г. в Красноярской городской больнице на лечении находилось 233 больных, из них: в хирургическом отделении – 40 чел., терапевтическом – 48 чел., сифилитическом – 66 чел., родильном – 9 чел., больничной богадельне – 30 чел. и т. д. Однако больница рассчитывалась только на 171 человека. Для размещения больных дополнительно выделили 20 кроватей. Остальных пациентов размещали за счёт средств сверхсметного кредита [Красноярск, 1908, 12 августа]. В тесноте и неудовлетворительном состоянии находилось родильное отделение, расположенное на третьем этаже городской больницы. Самые необходимые удобства не могли получить не только бедные обывательницы, но и горожанки со средним достатком [Красноярск, 1909, 3 января].

Общее антисанитарное состояние городских больниц приводило к высокой смертности среди больных. В 1886 г. в больнице Енисейска настолько высокой была смертность, что общую могилу, где хоронили умерших, не зарывали целую зиму и весну [Сибирский вестник, 1886, 15 мая]. Согласно статистике, в 1901 г. из красноярской городской больницы на кладбище доставили 300 трупов. Из них 250 чел. – умерли от разных болезней. У остальных 50 чел. смертность наступила по

другим причинам [Енисей, 1902, 20 сентября]. В 1911 г. красноярская общественность возмущалась по поводу больницы приказа общественного призрения, расположенной в центре города. Окна больничных палат выходили на улицу, где было постоянное движение горожан. В больнице на лечении находились больные тифом и другими инфекционными болезнями. В заметке «Красноярского хроникера» предлагалось перенести больницу на окраину города, подальше от наполненного людьми оживлённого центра. В Западной Европе подобные больницы располагались на удалённом расстоянии от жилых домов. Общественной критике поддались «анахроничные здания позапрошлого века», в которых разместилось лечебное заведение. В соответствии с санитарными нормами, нужно было построить новое больничное здание для инфекционных больных, т. е. полностью изолировать их от общества [Красноярский хроникер, 1911, 7 июня].

Красноярская городская больница пребывала в отвратительном санитарном состоянии. Проходя мимо больницы в летнее время, можно было получить представление о всех больничных прелестях, состоящих из запахов: грязного белья, невымытых тел, лекарств и незаживших ран. Переполненная пациентами больница с антисанитарными условиями являлась источником разнообразных вирусов. Любой оказавшийся в лечебнице рисковал подхватить какую-нибудь инфекционную болезнь, вплоть до тифа [Сибирская газета, 1888, 31 января]. При входе в Ачинскую тюремную больницу сразу чувствовался «одуряющий запах, вызывавший тошноту у непривыкшего человека». Когда открывали окна или двери, то миазмы проникали на улицу и разносились по всему городу. Сами больные неоднократно обращались к больничной администрации с просьбой устранить «убийственную вонь» [Сибирская газета, 1888, 17 апреля].

Больничные заведения нередко становились очагами развития серьёзных болезней, приводивших к летальному исходу. В больницах пациенты с терапевтическими и хирургическими заболеваниями продолжали делить одно койко-место. Часто

лечебные заведения не были специально приспособлены для больных. Например, енисейская больница, учреждённая Приказом общественного призрения более 100 лет назад, оставалась в неизменном виде. С самого начала здание больницы, пожертвованное частным лицом, не соответствовало своему назначению. Палаты представляли собой небольшие, плохо освещённые комнаты, соединённые простым переходом через порог. Отсутствие специального инфекционного отделения усугубляло ситуацию. Нередко были случаи, когда из-за нехватки мест больных тифом, рожей или крупозным воспалением лёгких могли поместить в одну палату с пациентами с неинфекционными болезнями. Больные сифилисом находились в отдельной, но не в изолированной от всех палате, со свободным проходом через терапевтическое и хирургическое отделения. В больнице отсутствовала отдельная операционная палата. Обычно операции проходили в кабинете врача, там же проходили послеоперационные перевязки. Здесь же врач одновременно осуществлял приём поступивших больных и освидетельствование проституток. Женское отделение размещалось в настолько ветхом помещении, что оно было непригодно даже для ремонта. По вечерам каждая палата освещалась керосиновой лампой. В палатах отсутствовала вентиляция, а зарешеченные окна открывали для проветривания всего лишь на один час в день. Больничная баня предназначалась для всех больных, без соблюдения санитарно-гигиенических норм и без различия заболеваний (кожных, венерических, инфекционных или хирургических) [Восточное обозрение, 1901, 17 января].

Тюремная больница Ачинска состояла из трёх барakov: для женщин, мужчин и семейных. Вентиляция представляла собой дыры в стенах, которые затыкались тряпками, потому что больные боялись сквозняков. Непроветриваемые палаты вызывали многочисленные просьбы больных к больничной администрации с просьбой «устранить убийственную вонь». Санитарная уборка больничных барakov нерегулярно проводилась из-за нехватки медицинской прислуги. Под кроватями скопилась мас-

са пыли и грязи, а тюфяки не менялись в течение длительного времени. При отсутствии больничных халатов больные носили свою арестантскую одежду. В таких условиях поступившие в больницу пациенты могли дополнительно подцепить другие заразные болезни [Сибирская газета, 1888, 17 апреля].

Антисанитарная обстановка в родовспомогательном отделении Красноярской больницы способствовала высокой смертности новорождённых детей. Родильное отделение находилось в ветхом здании, где имелось всего четыре комнаты. Одна комната являлась местом проживания учениц-акушеров, которые содержались за казённый счёт, вторая – для проведения занятий, третья – для рожениц и четвёртая – для новорождённых. В детской комнате, рассчитанной на 7 детей, количество детей превышало норму и колебалось от 10 до 12 чел. В одну люльку приходилось укладывать двух младенцев. Нехватка белья, небрежный уход и антисанитарные условия способствовали высокой смертности новорождённых. В 1882 г. из 65 рождённых детей 39 умерли в младенчестве [Сибирская газета, 1884, 17 июня].

В начале XX в. антисанитария оставалась обычным явлением в городских больницах. Красноярский житель утверждал, что в летнее время проходя мимо больницы, можно было получить ясное понятие о всех её прелестях: «отсутствие чистоты даже в уличном воздухе и заметное издалека грязное бельё больных». Санитарное состояние больницы настолько отвратительно, что зайдя туда, можно было «подвергнуть себя опасности схватить тиф, вдыхать отвратительные миазмы, созерцать легионы клопов и вшей, покрывавших стены, кровати и ютящихся в больничном белье» [Сибирская газета, 1888, 31 января]. Сестра милосердия, приглашённая в больницу Енисейска, описала обстановку: «То, что я застала, поразило меня настолько, что я растерялась. Повсюду грязь, вонь, пыль. Больные лежат в грязном белье, сами прикладывают себе на раны примочки. Для перевязок нет марли, вместо неё старое, рваное бельё. Повсюду мухи, тараканы, пыль в два пальца» [Восточное обозрение, 1901, 17 января]. О красноярской железнодорожной боль-

нице бывшие пациенты отзывались с ужасом и отвращением. Служащий Х. отправил свою жену в родильное отделение этой больницы. На следующий день он пришёл проведать роженицу и увидел неприглядную картину. Его жене выдали подушку, запачканную испражнениями ребёнка. На столике стояло блюдечко с гречневой кашей, покрытой тараканами, а по палате бегали мыши. Супруга Х. пожаловалась мужу, что ничего не ела со вчерашнего дня. В палате не было даже кипячёной воды и ей приходилось самой ставить самовар, т. к. по вечерам сиделки исчезали. В итоге супруг пациентки Х. потребовал, чтобы его жену выписали из больницы [Красноярский хроникер, 1911, 24 июля].

Гораздо лучше чем в городских больницах была санитарная обстановка в лечебнице красноярской общины сестёр милосердия (местной общины Красного Креста). Лечебница располагалась в двухэтажном здании с хорошей вентиляцией. Внутренне состояние соответствовало всем нормам и отличалось чистотой. В небольшом здании имелись кабинет врача, 5 палат, перевязочная, аптека и столовая. Многие больные обращались за медицинской помощью к врачу этой лечебницы. Плата за приём и врачебную консультацию составляла 15 коп. [Енисей, 1905, 11 февраля].

Таким образом, приведённые материалы региональной периодической печати свидетельствуют о том, что состояние многих городских больниц Енисейской губернии находились в плачевном состоянии. Недостаточность средств, невнимательность центральных и местных властей к нуждам населения, нехватка мест в больницах являлись наглядными показателями неудовлетворительного состояния городских лечебниц. Особое внимание авторы обращали на недоступность медицинской помощи и сложившуюся в больницах антисанитарную обстановку. Все указанные недостатки способствовали росту количества инфекционных заболеваний и высокой смертности горожан. Исходя из газетных статей, складывалась неприглядная картина состояния местного здравоохранения.

Список литературы:

1. *Кискидосова Т. А.* Санитарное состояние городов Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. – 2016. № 403. – С. 49-53.
2. *Куркатов С. В., Тевеленок О. Г., Парфёнова Н. П.* История создания и развития санитарно-эпидемиологической службы Красноярского края. – Красноярск: ООО «Электробыттехника», 2012. – 198 с.
3. *Сизых Т. П.* Состояние помощи населению Енисейской губернии, классификация заболеваний, в том числе органов кровообращения на рубеже XIX – XX веков. // Сибирское медицинское обозрение. – 2006. № 6 (43). – С. 88-92.
4. *Сунгуров П. А.* Первый съезд врачей Енисейской губернии (1912) // Научный диалог. – 2016. № 2 (50). – С. 313-321.
5. *Терскова А. А.* Медицинское обслуживание населения г. Енисейска во второй половине XIX – начале XX в. // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. – С. 344-347.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кискидосова Татьяна Александровна,
кандидат исторических наук,
заведующий сектором истории
«Хакасского научно-исследовательского
института языка, литературы и истории»,
г. Абакан, Республика Хакасия.
E-mail: tak_74@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS:

Kiskidosova Tatiana Alexandrovna,
Candidate of Historical Sciences,
Khakass Research Institute for Language,
Literature and History,
Abakan, Russia,
E-mail: tak_74@mail.ru

УДК 94 (47). 084. 3

А. П. Шекшеев

**ВЗИМАНИЕ ЕДИНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
НАЛОГА НА ТЕРРИТОРИИ
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923/24 г.**

Аннотация. Данная статья посвящена изучению первой кампании по уплате енисейскими крестьянами введённого государством единого сельскохозяйственного налога. Объявленный весной 1923 г., он был одной из уступок советского государства деревне и мерой налаживания рыночных отношений между ними. По мнению автора, эта кампания была неудовлетворительно подготовлена управленческим аппаратом и не сразу обеспечена государством денежными средствами. Рыночный кризис и медленное поступление налога вызвали реорганизацию налогового механизма, которая положительно сказалась на выполнении задания, развитии сельского хозяйства и улучшении отношений между властью и населением.

Ключевые слова: деревня, единый сельскохозяйственный налог, коммунисты, крестьяне, продовольственная политика, саботаж, советская власть, хлеб.

**COLLECTION OF A SINGLE AGRICULTURAL TAX ON THE
TERRITORY OF THE YENISEI PROVINCE IN 1923/24**

A. P. Sheksheev

Annotation. This article is devoted to the study of the first campaign for the payment by the Yenisei peasants of the unified agricultural tax introduced by the state. Announced in the spring of 1923, it was one of the concessions of the Soviet state to the countryside and a measure of establishing market relations between them. According

to the author, this campaign was unsatisfactorily prepared by the administrative apparatus and was not immediately provided by the state with funds. The market crisis and the slow receipt of tax caused the reorganization of the tax mechanism, which had a positive impact on the fulfillment of the task, the development of agriculture and the improvement of relations between the authorities and the population.

Keywords: village, unified agricultural tax, communists, peasants, food policy, sabotage, Soviet power, bread.

Изучение опыта продовольственных кампаний, осуществляемых советским государством при переходе к нэпу на территории Сибири, было и остаётся традиционным занятием для исследователей. В советское время его итоги были подведены в специальной монографии, а само её осуществление показано в обобщающем труде по истории сибирской деревни [Историко-география крестьянства Советской Сибири, 1976; Крестьянство Сибири в период строительства социализма..., 1983]. Начиная с 1990-х гг. эта тема обстоятельно рассматривалась в публикациях современных исследователей и получила, казалось бы, черты завершённости и обобщения [Ильиных, 2005; 2010]. Однако «механизм» воплощения в жизнь советской продовольственной политики показывался, как правило, в обобщенном и схематичном виде. В самом общем виде учёными представлялось и поведение налогоплательщиков. Такое ограниченное освещение стимулировало новое освещение этой темы на материалах конкретного региона.

Обострение структурного общественного кризиса, возникшего в результате предшествующих продовольственных изъятий, заставило коммунистическую партию и советское государство перейти к либеральным уступкам крестьянам и оказанию селу материальной поддержки. Подготовительные работы по взиманию нового продовольственного налога в Енисейской губернии, состоявшей из 108 волостей со 121,5 тыс. крестьянских хозяйств и 731,3 тыс. едоков [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 127], начались с первых месяцев 1923 г.

22 марта открылись курсы, которые должны были подготовить около 70 специальных работников [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 35]. На прошедшем 1-2 апреля того же года продовольственном совещании Енисейской губернии её продовольственный комиссар Е. Г. Ботвинник¹ доложил о больших изменениях, происходивших в деятельности местных продорганов. Штаты их с ликвидацией волостной инспектуры сокращались до 100 сотрудников. С отменой массовых мобилизаций на продовольственную работу, упразднялись особо уполномоченные и «тройки». Уездные продовольственные комитеты, действовавшие в составе общего и заготовительного отделов, дополнялись налоговыми комиссиями, создаваемыми при уездных исполкомах, а на каждые две волости выделялся районный инспектор. Сеть заготконтор и подсобных пунктов в губернии уменьшилась с 16 и 43 до соответственно 9 и 20. Ввиду слабой информированности крестьян и сокрытия ими большого количества налоговых объектов составление списков плательщиков передавалось советским органам. Вследствие того, что при губернском исполкоме (ГИКе) для составления проектов образовывалась губернская налоговая комиссия, губернский продовольственный комитет (ГПК) сокращался до оперативно-заготовительного, финансово-счётного отделов и секретариата. С налаживанием аппарата и ростом торговых ресурсов стали увеличиваться заготовки, проводимые трестом «Хлебо-

---

¹ Ботвинник Ефим Григорьевич – 1897 г. р., урож. г. Минска, еврей, из семьи служащего, имел н/среднее образование, большевик с мая 1917 г. С 1917 г. – сотрудник Белорусского совдепа, секретарь чека, подпольщик на Украине, с 1919 г. – на хозяйственной и политической работе в Красной армии и с 1924 г. – уполномоченный акционерного общества «Хлебопродукт» по Енисейской губернии, заместитель уполномоченного Комитета внутренней торговли РСФСР по Сибирскому краю, заместитель начальника управления торговли при Сибирском краевом исполкоме. В 1927-1932 гг. – торговый представитель СССР в Монголии, член правления Сельхозбанка. С 1933 г. – уполномоченный Комиссии по определению урожайности при СНК СССР, член её президиума и ответственный секретарь, начальник Главного управления чайной промышленности Наркомата пищевой промышленности СССР. В 1939-1945 гг. – заместитель управляющего делами Академии наук СССР. С 1945 г. на пенсии (Папков С. А. Руководящие кадры Сибири... С. 102).

продукт», – детищем ГПК, созданным вместо его торгового отдела [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 64, 66, 68, 80].

Определяя дальнейшую хлебозаготовительную политику, власти учитывали отсутствие или скудость денежных средств в деревне. Так, 5 апреля 1923 г. Енисейский губернский комитет РКП(б), обсудив сообщение о том, что «перейти к денежной форме взимания налога можно, но не хватит денежных знаков», предложил оставить частичное взимание его продуктами [Коккоулин, 2012, с. 87]. Предвидя большую налоговую нагрузку, падающую на Минусинский уезд, власти назначили вторым заместителем губернского продовольственного комиссара и комиссаром в эту местность хорошо показавшего себя И. С. Погодаева [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 39].

10 мая 1923 г. был принят декрет ВЦИК и СНК РСФСР «Об едином сельскохозяйственном налоге», определявшим заготовительную политику в 1923/24 г. Введённый вместо множества налогов, ЕСХН мог вноситься деньгами, частично продуктами и был построен по принципу прогрессивного обложения со скидками и льготами лицам, перенёвшим стихийные бедствия, и с освобождением от уплаты беднейшего крестьянства. 26 мая в Енисейской губернии мобилизованные для этой цели секретари волостных исполкомов (ВИКов) и члены сельсоветов приступили к составлению списков налогоплательщиков и выдаче им окладных листов. В Минусинском уезде к этому делу были привлечены сельские учительницы. Как выяснилось позднее, денежных средств для оплаты этого труда губернские продовольственный и финансовый органы так и не изыскали. 19 июня под председательством Ботвинника была создана губернская налоговая комиссия, в обязанности которой входило определение разрядов урожайности и объёмов налога для местностей [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 94, 105, 305].

Одновременно государство продолжало жёсткое уголовное преследование расхитителей хлеба. 28 июня выездная сессия Енисейского губернского суда, рассмотрев дело о хищении в Кочергинской заготконторе, приговорила её заведующего

П. В. Демина и его помощника М. О. Рагодинского к высшей мере наказания, заменённой затем 10 годами лишения свободы [Власть труда, 1923, 4 июля].

26 июля 1923 г. сбор единого продналога обсудило закрытое заседание Сибирского бюро ЦК РКП(б), которое конкретизировало его для восточных губерний. 8 августа того же года Сибревком, рассмотрев проведение ЕСХН в скотоводческих районах Енисейской губернии, отнёс к данной категории территории Усть-Фыркальской, Кызыльской, Аскизской, Усть-Есинской, Синявинской и Усть-Абаканской волостей, заселённые в основном инородцами-скотоводами, а также близлежащие к ним русские селения Знаменской волости Минусинского уезда. К ним же отошли некоторые населённые пункты южных волостей Ачинского уезда и два селения Новосёловской волости Красноярского уезда [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 156].

Несмотря на прогрессивность введения этого налога, он был встречен крестьянами утайкой засеваемой земли. К примеру, опрос жителей с. Саянское показал, что они засеяли 190 десятин пашни, а занявшаяся выявлением комиссия обнаружила 450 десятин пахотного пласта. Такая же картина наблюдалась в сёлах Покровское и Каптыревское Минусинского уезда. Затруднительным было выявление объектов обложения в инородческом районе, на территории которого скот при необходимости скрывался в горах или перегонялся в другие уезды.

Энергичные действия против этого явления проводил заведующий земельным отделом Бейского ВИКа Сазонов: на местах им были созданы некие группы крестьян-посевщиков – «пятки» – со «старшими» во главе, которые и отвечали перед властями за правильность показаний. Вследствие такой организации площадь посевов, обложенных налогом, по с. Бея повысилась с 1,8 до 2,2 тыс. десятин. В других местностях выявление сокрытых посевов сразу же заканчивалось преследованием ответственных лиц. В июле за «бездеятельность и халатное отношение к выявлению объектов налогового обложения» все председатели сельсоветов Имисской волости были привлечены к судебной

ответственности и осуждены на один-два месяца принудительных работ [Власть труда, 1923, 29 июня, 13, 29 июля; ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 699. Л. 472].

Командированный в деревни Каптыревской волости секретарь ВИКа Лесников, молодой советский работник, путём разъяснения, переговоров и агитации легко достиг того, что мужики добровольно сообщили ему о сокрытой земле. После объявления властями о том, что население обязано сообщить размеры засеянной площади, в Моторской волости началось доношение. Все сельсоветы, за исключением волостного, решили обмерить и выявить новые засеянные земли. Отказавшиеся было обмерять крестьяне с. Моторское неделю находились под присмотром выставленных постов, устраивали сходы и, в конечном итоге, постановили перемерить засеянные участки. Председатель Таштыпского ВИКа, молодой и энергичный коммунар Шишков, полностью распределив по посевицам отпущенную семенную ссуду, увеличил посев больше прошлого года на 20-25 % и не допустил его утайки [Власть труда, 1923, 1, 5, 8 августа].

Случаи сокрытия посевов наблюдались и в селениях Красноярского и Канского уездов, где этому способствовали секретари сельсоветов, а в Больше-Муртинской волости – священник. Крестьяне с. Частоостровское за выявление утаенных посевов пригрозили своему сельсовету, состоявшему из бедноты, сжечь его помещение [Советская деревня глазами..., 2000, с. 130]. Наблюдая «бездеятельность» и «халатное отношение» к своим обязанностям со стороны низовых служащих, власти отстраняли их от должности и преследовали судами. Такой участи в августе 1923 г. были подвергнуты председатели Иудинского и Усть-Фыркальского ВИКов, секретари Восточенского, Кочергинского, Кужебарского, Лугавского, Усинского и Шалаболинского ВИКов и агроном Бейского района. Данные лица, виновные в непредоставлении к сроку в экспертные комиссии похозяйственных списков, сведений о посевах и в растрате общественных средств, были арестованы сроком на пять-семь

суток [Власть труда, 1923, 15, 26 августа]. Более серьёзно подошли власти в наказании 61 жителя с. Лугавское, обвиняемых в сокрытии объектов обложения. Народный суд приговорил пятерых из них к годичному лишению свободы, а более 50 – к конфискации домашних животных [Власть труда, 1923, 2 сентября].

Согласно сведениям, заключённым в окончательной сводке, полученной ГПК в августе 1923 г., ЕСХН в Енисейской губернии составлял 5680 тыс. ржаных единиц. В силу хозяйственных особенностей облагаемых им местностей взимание налога в Ачинском, Канском уездах должно было происходить на 40 % деньгами и на 60 % продуктами, в Енисейском – полностью деньгами, в Красноярском и Минусинском уездах – на 42 и 35 % в денежной форме [Власть труда, 1923, 30 сентября, 10 октября]. Население волостей, окружавших уездные центры, должно было платить половину налога деньгами, а другую – натурой. Жители подтаёжных волостей обязывались вносить его деньгами, а для этого им требовалось реализовать пушнину.

Крестьянство в основном относилось к его уплате с пониманием. Так, состоявшаяся 16 сентября в с. Усинское лекция налогового инспектора об ЕСХН собрала 300 слушателей и закончилась обращением к властям: «Мы, крестьяне Усинской волости, ... видим, что Советское правительство ... всецело идёт нам навстречу, оберегая интересы своих братьев крестьян, а потому шлём сердечную благодарность и желаем скорейшей победы в деле хозяйственного строительства Республики, в котором мы постараемся принять самое активное участие» [ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 8].

Но утаивание объектов налогового обложения крестьянами так и не было ликвидировано. Сокрытие озимых посевов было обнаружено в Солгонской волости Красноярского уезда. Предстать перед судом должны были председатель Мишкинского сельсовета, допустившего «незаконное» собрание жителей с обсуждением мер по невыполнению государственного задания, и 14 укрывателей хлеба из д. Ново-Троицкая Минусинского уезда. Сами крестьяне д. Зандеево Ачинского уезда создали

проверочную комиссию в составе четырех бедняков, середняка и зажиточного, которая под руководством помощника районного инспектора Смирнова выявила у односельчан 683 десятины засеянной земли. В результате прирост посевов против прошлого года здесь составил 21 %. Ноябрьская 1923 г. сводка засвидетельствовала о сокрытии в губернии только 12,9 тыс. десятин посева, или 1,03 % к его общей площади [Власть труда, 1923, 5 сентября, 7 ноября; ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 337. Л. 29; Оп. 2 с. Д. 96. Ч. 2. Л. 486; ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 297].

В 1923 г. в Енисейской губернии, как и повсюду в Сибири, крестьяне засеяли значительно большую площадь посевов, составлявшую 482,9 тыс. десятин. В результате была получена продукция, определявшаяся на рынке в объёме 16 млн пудов. Местный рынок был ею насыщен, а возможности выйти с плодами своего хозяйствования на внегубернский – у крестьян отсутствовала [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 305].

В этих условиях, вероятно, с первых чисел октября начался сбор ЕСХН. Уже 3 октября ГПК, заметив, что большинство заготовконтор начали свою деятельность, руководствуясь местными интересами, категорически воспретил их служащим, угрожая уголовной ответственностью, расходование поступающих по налогу продуктов в общегосударственный фонд без нарядов из Красноярска [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 869. Л. 21]. Но общая налоговая сводка по губернии была составлена с опозданием и стала руководящим документом только с ноября месяца [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 305].

Высокая покупательная способность червонца, появившейся тогда новой денежной единицы, определила значительный спрос на деньги со стороны крестьян, которые стремились выбросить на рынок произведённую ими продукцию. Приобретение хлеба у крестьян за деньги должны были осуществлять государственно-кооперативные заготовительные организации «Хлебопродукт», «Сокредит», «Губсоюз» и др. Согласно разработанному плану, только по Минусинскому уезду уплата нало-

га должна была дать государству до 2824 тыс. пудов хлеба или 2,5 млн рублей золотом.

Между тем крестьянство встретило большие трудности в реализации своей продукции и осуществлении заготовительной кампании. Накануне её часть посевов подверглась побитию градом. Поэтому власти были вынуждены сложить с населения губернии 320 тыс. пудов налога. Мешали поступлению налога осеннее бездорожье, далёкие расстояния для сдачи, к примеру, мяса и высокие кондиции, установленные государством на хлеб. Сказывался на нём и недостаток в деревне разменных знаков.

Хлебные цены имели тенденцию к падению. В Енисейской губернии, где крестьянами был собран высокий урожай, на который не было соответствующего спроса, они держались на особенно низком уровне. Одновременно с «перепроизводством» хлеба наблюдалось повышение цен на промтовары. Возникли резкий кризис местного рынка и жёсткая торговая депрессия: так называемые «ножницы» цен вызвали существенное падение покупательной способности деревни [Ильиных, 2010, с. 44, 46].

Более высокие цены на хлеб, существовавшие на «вольном» рынке, определили стремление крестьян продавать его на базаре и расплачиваться с государством не натурой, а деньгами. Поэтому в октябре на минусинском рынке наблюдался большой наплыв хлеба. Предполагалось, что с установлением санного пути и ледостава на реках поступление налога усилится. Однако вскоре из-за больших расстояний и исчерпания у крестьян денег оно ослабло и составляло, например, в Минусинском уезде лишь 2 % к заданию. На 16 ноября 1923 г. налоговое задание было выполнено уездом только на 9,5 % [Власть труда, 1923, 5 августа, 26 октября, 21 ноября, 5 декабря; ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 205].

В Канском уезде при переходе на денежную налоговую систему хлеб обесценился на 20 % против предусмотренных цен. Падение их на сельскохозяйственную продукцию привело к несоответствию рыночных цен и денежных налоговых эквивалентов. Какая-то часть населения была вынуждена выполнять эту по-

винность, добывая денежные средства путём продажи хлеба на рынке по «баснословно низким» ценам. Другая – усилила сдачу налога натурой.

Высокие требования к качеству сдаваемого зерна привели к общему замедлению темпа поступления ЕСХН, а следом и государственному нажиму. Он выразился в массовых арестах неплательщиков. Арестовывались и те крестьяне, что желали уплатить налог, но заготовок не имели. Выколачивание денег по налогу обостряло ситуацию в деревне [ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 139. Л. 62; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 481. Л. 115; Д. 606. Л. 8].

Поведение крестьян не ограничивалось хозяйственными работами. Ночами в деревне, случалось, продолжались выяснения отношений. Октябрьской ночью в дом крестьянина Ф. Наумова из с. Разъезженское была брошена бомба, ранившая его. В ночь на 14 октября в д. Знаменка прозвучало до девяти выстрелов, сделанных из трёхлинейки по дому крестьянина Ахмадаева. Лишь прибежавший на выручку вооружённый сосед отогнал неизвестного стрелка.

Наряду с нападениями, совершались поджоги и кражи, носившие социальный характер. К примеру, осенью 1923 г. «кулак» из д. Комарково К. Чернов вывез с полосы бедняка несколько возов зелёнки, а неизвестные в д. Нижняя Коя сожгли на гумне односельчан запасённые хлеб и дрова.

Распространёнными в деревне были и убийства, причём, совершённые с жестокостью. Так, при краже скота смерть от топора принял пастух Светлолобов. В ночь на 15 октября в с. Петропавловское «кулаки», вооружённые дубинками, напали и убили единственного в селе коммуниста С. Лельяскина, выдвинутого волостным исполкомом в комиссию по выявлению скрытых объектов обложения и обещавшего выполнить эту задачу. Днём же в с. Шушенское Г. Попков зарезал П. Плышкина, а его брат, произведя в убийцу несколько выстрелов, ранил его. Погибшими были уджейский крестьянин П. Черных, субботинский – Коновалов и дубенский – П. Крикунов, труп которого оказался на

свалке с распоротым животом. В ночь на 10 декабря в том же с. Шушенское был убит некий Р. Магарычев.

Непримиримостью поведения сторон отличался конфликт, произошедший под занавес 1923 г. в с. Большая Иня. Строительству электростанции на плотине, принадлежавшей местному обществу и создавшему с этой целью специальный фонд, препятствовала зажиточная часть деревни, заявившая, что на «нашем» сооружении они что-то возводить не позволят [Власть труда, 1923, 15 апреля, 27 июля, 5, 24, 26 октября, 2, 4 ноября, 14, 15 декабря].

Слабое поступление налога в Енисейской губернии вызвало рассмотрение этого вопроса на совещаниях прибывшего представительства Сибирского продовольственного комитета (СПК) с ответственными работниками ГПК, прошедших 4 и 9 ноября 1923 г. Было решено заменить некоторых лиц, работавших в оперативном отделе ГПК, объявить строгий выговор Канскому уездному продкомиссару и покончить с «расхлябанностью» в деятельности уездных продовольственных комитетов и заготконтор [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 269]. 21 ноября ГПК разослал на места циркуляр, требующий от служащих его уездных подразделений изжить «хаос безалаберного и преступного расходования продуктов госфонда» [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 869. Л. 22].

Однако и сам ГПК своим функционированием не устраивал сибирские власти. На 27 ноября обследовавшие его представители СПК выявили более сильную, чем в других регионах, «слабость» этого органа, которая была обусловлена отсутствием административных способностей, «воли и энергии» у его руководящих работников. Такие лица предоставляли на места цифры более значительного налогового обложения и получаемые от этого «излишки» разрешали уездным властям использовать в качестве собственных фондов. Порочной являлась и организация уплаты налога на местах. В некоторых пунктах служащие и прибывшие крестьяне ожидали объявления курса рубля до 12 часов дня, а в 15 часов касса закрывалась. Простаивающие в очередях по 2-3 дня, налогоплательщики обращались к властям с бесполезны-

ми жалобами. Населению скотоводческих районов разрешили налог вносить мясом, но приёмные пункты организовали за их пределами [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 262].

Для побуждения крестьян к уплате налога в деревню были посланы в качестве уполномоченных ответственные работники. Сагитированное ими население 11 волостей Минусинского уезда успешно выполнило налоговое задание, но прочих – лишь на 10-24 %. На 6 декабря ЕСХН на территории этого уезда, население которого выполняло до половины губернского налогового задания, был собран только на 13,9 % [Власть труда, 1923, 14 декабря].

Такие темпы уплаты налога заставили власти обратиться к судебному преследованию. 24 декабря 1923 г. губернский суд направил в Минусинский и Канский уезды выездные сессии нарсуда под председательством Рощина и Кузнецова [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 902. Л. 15]. Народный суд 2-го участка рассмотрел дело 13 граждан с. Ново-Троицкое Мало-Минусинской волости, где обмер выявил скрытые посевы, и приговорил каждого виновного к году лишения свободы с конфискацией домашних животных и сельскохозяйственных машин. Так, например, у крестьянина А. Усатова увели четырёх дойных коров, 10 овец, забрали молотилку, а у И. Лепко – лошадь, корову и жатку [Власть труда, 1923, 7 декабря].

Однако при этом крестьян побуждали жертвовать продукты на всяческие мероприятия, например, в пользу развития воздухофлота. Несмотря на выкрики «Не дадим ни фунта», хлеб с этой целью собирали в с. Очуры Каптыревской волости. По сёлам Паначёвской волости в поддержку представителей западного пролетариата, которые оказались в тюремном заключении, собрали 22 пуда хлеба [Власть труда, 1923, 2, 5 декабря].

На 11 декабря 1923 г. ЕСХН по Минусинскому уезду был собран на 15,4 %, что определило новый виток репрессий. В тот же день из Красноярска в Минусинск прибыла выездная сессия Енисейского губернского суда, должна рассмотреть 40 в основном уголовных дел. За преднамеренную утайку 4,7 тыс. десятин

земли и 24,6 тыс. голов крупного рогатого скота, что составляло в общей массе соответственно 2,0 и 17,3 %, были арестованы 2 177 и преданы суду 130 человек. Местным крестьянам было указано сдать весь объём налога натурой до 1 февраля 1924 г. и деньгами – до 1 апреля. При этом власти по разным причинам и установленным льготам сложили с 24,8 тыс. хозяйств более 212 тыс. пудов налога [Власть труда, 1923, 14, 16 декабря].

К 25 декабря 1923 г. в Енисейской губернии были собраны 2035,2 тыс. пудов продовольствия, что позволило выполнить задание ЕСХН на 35,8 %. Заготовительные организации из-за нехватки денежных средств вновь не справились со своей задачей. Налог в Минусинском уезде без нажима уплатили лишь 37 % всех плательщиков, его активно применяли к крестьянам в Курагинской, Тесинской и Шалаболинской волостях. Но в целом по губернии репрессий для сбора ЕСХН применялось сравнительно немного: согласно выступлению Ботвинника на V губернском съезде советов 29 декабря 1923 г., их было в 15-20 раз меньше, чем в предшествующем году. За неуплату налога наказали 117 крестьян или 0,06 % всех плательщиков [Власть труда, 1924, 23 ноября; ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690. Л. 205; ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 481. Л. 177; ГКУ РХ «НА»].

Одновременно государство в соответствии с декретом от 24 августа 1923 г. в целом по губернии сложило с семей бывших красноармейцев, переселенцев, бедняков, с комитетов крестьянской взаимопомощи и опытных полей 680,6 тыс. пудов налога [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 902. Л. 15].

Вмешательство коммунистов в деревенскую жизнь толкало некоторых крестьян к разрешению ситуации радикальными мерами: брошенная в ночь на 14 января 1924 г. во время спектакля в народный дом граната лишила жизни четверых и ранила более 20 жителей с. Подсосенское Ачинского уезда. Ненависть, которую испытывали крестьяне к некоторым чрезмерно активным соседям-коммунистам, выливалась в акции массового характера. Свидетельством этого, к примеру, являлось убийство в с. Еловка Красноярского уезда местного кандидата в члены

РКП(б) и доносителя в милицию о самогонщиках, причастной к которому оказалась половина жителей. По другим данным, здесь имело место покушение на жизнь коммуниста Новикова, совершённое братьями Владимировыми, которые скрылись при содействии председателя сельсовета Терентьева [ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 90, 201].

В конце 1923 – начале 1924 г. в Енисейской губернии, как и везде, в организации хлебозаготовок произошли принципиальные изменения. В соответствии с постановлением СНК СССР от 11 декабря 1923 г. и Инструкцией о его применении приём природы в уплату налога с 1 января 1924 г. должен был прекратиться, а с переходом функций продовольственных органов в финансовые их аппараты подвергались объединению. В соответствии с этими указаниями, находившиеся на территории губернии уездные продовольственные комитеты и финансовые отделы были слиты, закрывались и приёмные пункты ГПК. В его ведении к последней декаде марта 1924 г. остались семь заготконтор, столько подсобных пунктов, два склада, хозчасть и обоз, которые обслуживались 124 работниками. С ликвидацией большинства заготконтор численность их сотрудников уменьшилась до 79 человек. В то же время для осуществления приёма налога в денежной форме была сформирована сеть приписных касс, переданных в ведение губернского финансового отдела [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 986. Л. 49, 63; Д. 996. Л. 36; Д. 999. Л. 5].

В продолжавшемся взимании налога зажиточная часть крестьянства поддерживала новую его систему, она же в силу того, что хлебных излишков оказалось в два раза больше выявленных, стала его «исправным» плательщиком. Бедняки и особенно середняки выступали за «старую» общественную раскладку налога и с жалобами на «комиссаров», не дающих им «стать на ноги», и на повышение хлебных лимитов посещали советские органы власти за 100-150 вёрст от своей деревни [ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506. Л. 15].

Групповое соперничество крестьян в деревне проявлялось настолько сильно, что, например, сход в с. Рождественское Кан-

ского уезда отверг раскладочную систему налога. «Не будет справедливости, – говорили его участники, – у нас все кум, да сват, не сговоримся друг с дружкой, пойдут убийства, драки, а самое главное кому же мы тогда будем жалиться». Боязнь перехода раскладки в руки бедноты заставила зажиточное население согласиться с государственным налоговым обложением [ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 27. Л. 21].

Начиная с января 1924 г. местные власти стали принуждать население к налоговым отчислениям на содержание ВИКов и сельсоветов. Кое-где, например, в Подсосенской волости Ачинского уезда формируемый ими бюджет был равен объёму взимаемого ЕСХН. Население целых волостей, к примеру, Белоярской и Минусинской в одноименном уезде, Шарыповской и Ужурской в Ачинском – отказывались от содержания волостных советов. Создание волостных бюджетов путём налоговых отчислений было сорвано крестьянами сс. Подсобки, Сухобузимо, Воротино, Сидельниково и Устюг Красноярского уезда. В феврале упорствовали сбору «нового налога» в д. Ново-Рождественка Салбинской волости Минусинского уезда [Крестьянская газета, 1924, 15 февраля; ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130. Л. 2, 8, 18].

В том же Минусинском уезде с переходом к денежному взиманию и из-за отсутствия средств у населения сбор ЕСХН по-прежнему проходил слабо. К 25 января 1924 г. задание было выполнено только на 43 %. Поэтому для скупки хлеба местные власти приняли меры по увеличению ёмкости рынка и сбыта, привлечению денег из государственно-кооперативных торговых организаций. Кроме того, в уезд для организации показательных процессов были посланы три выездные сессии нарсуда. Конфискации подверглись хозяйства трёх «кулаков», агитировавших крестьян не платить налог. 5 февраля в тройку, созданную в с. Сагайское по выявлению самогонных аппаратов, поступил донос от сына крестьянина И. Милошевича, не уплатившего налог. Обнаружив в амбаре спрятанный хлеб, власти описали запасы зерна, домашний скот и машины [Власть труда, 1924, 22 февраля; ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 1].

Однако отсутствие денег у торговых организаций ставило крестьян с уплатой налога в затруднительное положение. Имеющийся у них хлеб для налоговых целей за бесценок продавался спекулянтам. К тому же, как выяснилось, власти в определении разряда урожайности переусердствовали и предложили минусинцам чересчур высокие кондиции. В силу этого с крестьян спрашивали хлеб, которого у них не было. Вследствие этих причин в Минусинском уезде к марту 1924 г. были собраны лишь 65-70 % всего объёма ЕСХН [ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 88. Л. 1, 79].

Состоявшийся в феврале 1924 г. II съезд советов страны признал необходимым исчислять налог в денежной форме и вести заготовки исключительно коммерческим путём. На состоявшемся 20 февраля того же года пленуме Енисейского губернского комитета РКП(б) сообщалось, что государство из-за трудностей вывоза хлеба из Сибири сначала воздерживалось от финансирования этих работ. Но затем выделило 80 тыс. червонцев, что позволило Ачинскому и Енисейскому уездам завершить сбор налога, Красноярскому – его почти закончить. Для усиления темпов заготовок в Канском и Минусинском уездах государством был открыт кредит в сумме 15 тыс. червонцев [ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 86. Л. 2; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 623. Л. 1]. Поступление в оборот твёрдой валюты повысило цены на сельскохозяйственную продукцию, а кредитование продовольственной деятельности способствовало некоторому сокращению «ножниц» и росту объёмов хлебозаготовок [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 606. Л. 22].

В марте-апреле 1924 г. задание населением Минусинского уезда было выполнено на 90 и на 21 апреля – на 108 %. Но, как признавались власти, в этом нажиме они «переусердствовали»: арестовывались крестьяне, что действительно не могли заплатить налог, 40 хозяйств подверглись разорению [ГКУ РК «НА». Ф. П-14. Оп. 1. Д. 9. Л. 24, 28; ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 128]. К этому времени партийная организация уезда, начав ещё в 1922 г.

«чистку» своих рядов, уже лишилась 1129 членов и составляла лишь 1030 коммунистов [ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 688. Л. 257].

В целом по губернии на 7 февраля 1924 г. от крестьян поступило 3615,1 тыс. пудов продовольствия в ржаных единицах. Налоговое задание было выполнено на 63, к марту – на 71 и к апрелю – на 90,8 % [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 688. Л. 70; Д. 623. Л. 1; Д. 618. Л. 1]. Среди лиц, рекомендуемых к награждению юбилейным знаком по Енисейской губернии, были такие активные и ответственные работники Наркомата продовольствия как заместитель губернского продовольственного комиссара В. Г. Полозов, продовольственные комиссары Енисейского, Канского, Красноярского и Минусинского уездов Н. М. Недоспасов, И. С. Сычев, Я. М. Дынкин и И. С. Погодаев, а также заведующий Минусинской заготконторой А. Д. Матушкин [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 996. Л. 25]. Забегая вперёд, укажем, что акт особой комиссии о ликвидации органов ГПК был подписан только 28 июня 1924 г. [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 332. Л. 1].

Продовольственная и фискальная политика советской власти всё ещё негативно воздействовало на крестьянское хозяйство. Бюджет крестьянского двора, например, в Сухобузимском районе уменьшился и составлял среди маломощных хозяйств в 1913 г. 259, в 1921 г. – 246 и в 1924 г. – 160 рублей; середняцких – соответственно 543, 578 и 280; зажиточных – 1087, 983 и 644 [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 867. Л. 1]. Налицо имело место сокращение ресурсов и падение сил сельского хозяйства.

В то же время государственная поддержка и либеральные мероприятия в этой сфере, ослабление командных методов управления вызвали у крестьян, особенно среди середняцких и зажиточных групп, по мнению одного из исследователей, стремление к выведению хозяйства из потребительских рамок и соответственно подъём сельскохозяйственного производства [Карлов, 2009, с. 15]. Пережив нажим государства, даже середняки в Минусинском уезде стремились к расширению посевов, а в Ачинском уезде, обеспеченном семенами на 20-25 % от потребности, крестьяне активно занимались поиском семенного

материала [ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516. Л. 139, 165]. Засеянная площадь губернии в это время против, например, довоенного уровня увеличилась с 545 до 635 тыс. десятин и поголовье крупного рогатого скота – с 586 до 837 тыс. голов. Но объяснялся этот прирост больше ростом численности деревенского населения [ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 663. Л. 16].

Кампания по взиманию первого ЕСХН на территории Енисейской губернии продолжалась до 15 августа 1924 г. Из поступившего продовольствия в качестве переплаты плательщикам налога были возвращены 211,5, сложены 648,9 и переведены в недоимки 177,4 тыс. пудов. Власти считали, что данная кампания по сбору налога была выполнена на 97,4 % [Власть труда, 1924, 23 ноября].

Будучи одной из первых крупных мер нэпа и уступок советской власти крестьянству в изъятии продовольствия, кампания ЕСХН 1923/24 г. была неудовлетворительно подготовлена управленческим аппаратом и не сразу обеспечена государством денежными средствами. Возникший кризис местного рынка и замедление темпов поступления налога вызвали некоторый нажим государства и ответное сопротивление крестьян. Но реорганизация налогового механизма благотворно сказалась на выполнении данного задания, развитии сельскохозяйственного производства и, главное, на улучшении отношений между властью и сельским населением.

Список литературы и источники:

1. Власть труда (Минусинск). 1923. 15 апреля.
1. Власть труда. 1923. 29 июня.
2. Власть труда. 1923. 4 июля.
3. Власть труда. 1923. 13 июля.
4. Власть труда. 1923. 27 июля.
5. Власть труда. 1923. 29 июля.
6. Власть труда. 1923. 1 августа.
7. Власть труда. 1923. 5 августа.
8. Власть труда. 1923. 8 августа.
9. Власть труда. 1923. 15 августа.

10. Власть труда. 1923. 26 августа.
11. Власть труда. 1923. 2 сентября.
12. Власть труда. 1923. 5 сентября.
13. Власть труда. 1923. 30 сентября.
14. Власть труда. 1923. 5 октября.
15. Власть труда. 1923. 10 октября.
16. Власть труда. 1923. 24 октября.
17. Власть труда. 1923. 26 октября.
18. Власть труда. 1923. 2 ноября.
19. Власть труда. 1923. 4 ноября.
20. Власть труда. 1923. 7 ноября.
21. Власть труда. 1923. 21 ноября.
22. Власть труда. 1923. 2 декабря.
23. Власть труда. 1923. 5 декабря.
24. Власть труда. 1923. 7 декабря.
25. Власть труда. 1923. 14 декабря.
26. Власть труда. 1923. 15 декабря.
27. Власть труда. 1923. 16 декабря.
28. Власть труда. 1924. 22 февраля.
29. Власть труда. 1924. 23 ноября.
30. Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 481.
31. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 516.
32. ГА КК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 606.
33. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 618.
34. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 623.
35. ГАКК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 688.
36. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 337.
37. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 96. Ч. 2.
38. ГА КК. Ф. Р-49. Оп. 2 с. Д. 130.
39. Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 481.
40. ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 606.
41. ГА НО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 699.
42. ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 27.
43. ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 86.
44. ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 88.

45. ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 139.
46. ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 506.
47. ГА НО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 688.
48. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 332.
49. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 663.
50. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 690.
51. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 867.
52. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 869.
53. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 902.
54. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 986.
55. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 996.
56. ГА НО. Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 999.
57. Государственно-казённое учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 9.
58. *Ильиных В. А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 284 с.
59. *Ильиных В. А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). М.: РОССПЭН, 2010. – 343 с.
60. *Историография крестьянства Советской Сибири.* Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1976. – 477 с.
61. *Карлов С. А.* Трансформация крестьянских хозяйств Восточной Сибири в годы нэпа (1921-1929 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2009. – 22 с.
62. *Кокоулин В. Г.* Продналог и новая экономическая политика в сибирской деревне (1921-1924 гг.) // Клио. 2012. № 3 (63). – С. 80-90.
63. Крестьянская газета (Москва). 1924. 15 февраля.
64. Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1983. – 389 с.
65. *Папков С. А.* Руководящие кадры Сибири. 1919-1941 гг.: справочник. Новосибирск: «Академиздат», 2021. – 600 с.
66. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Докты и мат-лы. В 4-х т. ОГПУ. Т. 2. 1923-1929. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 1168 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Шекшеев Александр Петрович,

кандидат исторических наук,

г. Абакан, Республика Хакасия

E-mail: Turan47@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Sheksheev Alexander Petrovich,

Candidate of Historical Sciences,

Abakan, Republic of Khakassia

E-mail: Turan47@yandex.ru

РАЗДЕЛ III. ОНОМАСТИКА И ТОПОНИМИКА

УДК 81`373.211.5

В. В. Нагорных

ЕСТЬ УЛИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ...

*Если хочешь по-настоящему узнать город,
надо ходить пешком,
Андре Моруа*

Аннотация. В данной статье впервые проведено исследование топонимики городских улиц Минусинска, указаны причины изменения наименований; дан анализ принципов присвоения наименований, перечислены проблемы с присвоением мемориальных названий.

Ключевые слова: топонимика, город, улица, классификация, архивный документ, воспоминания.

V. V. Nagornykh

THERE ARE CENTRAL STREETS

Abstract: This article is the first study of the toponymy of Minusinsk city streets. The author indicates the reasons for the change of names, gives an analysis of the principles of naming, lists the problems with the assignment of memorial names.

Keywords: toponymy, city, street, classification, archival document, memories.

К памятникам истории и культуры принято относить здания, выделяющиеся своей архитектурой, а также связанные

с известными историческими личностями, деятелями культуры. Но в категорию памятников стоит отнести и названия городских улиц. Ведь собственное, историческое название улицы – это такой же памятник истории и культуры, как здания или обелиски. По названиям городских улиц можно изучать и историю страны, именно через названия улиц сохраняется городская история.

Наименование улиц – это своеобразные «визитные карточки». Стоит при этом учитывать, что понятие «улица» многогранное. В обиходе улицей называют и переулки, и проезды, и проспекты. Есть ещё другие уличные образования: парки, скверы, бульвары. Все вместе они составляют своеобразную историческую летопись города.

В основе данного исследования – архивные документы и опубликованные воспоминания бывших минусинских чиновников, политических ссыльных, а также участников и свидетелей революционных событий начала XX в. в Минусинске. Хранящиеся в фондах Минусинского краеведческого музея фотографии отца и сына Фёдоровых конца XIX – нач. XX в. дают живую картину того, как выглядели улицы и здания сто с лишним лет назад.

В истории Минусинска три стадии статусного роста: деревня Минусинская, село Минусинское, город Минусинск. Имели ли улицы собственные названия в селе Минусинском, трудно сказать. Но достоверно известно, что в 1823 г., на момент образования города, в нём имелось чуть больше сотни домов и общественных зданий и всего лишь 4 улицы.

Эти первоначальные улицы сегодня уже «имеют от роду» больше двух сотен лет. Две из них располагались параллельно протоке р. Енисей (ныне это улицы Набережная и Красных Партизан), две другие – по берегам речки Минусинки, её естественного первоначального русла (ныне это улицы Обороны и Комсомольская).

На 2015 г. в городе было 423 улицы и переулка. В списке исчез-

нувших – названия 139 улиц¹. К самым протяжённым относятся улицы в старой части города – Ленина, Мира, Октябрьская, Красных Партизан (от трёх до четырёх километров). К самым коротким – улицы в микрорайонах новой застройки, названные в честь известных исторических личностей, оставивших след в истории Минусинска – Мозгалевского, Чеботаева, Раевского, Братьев Солдатовых, Гусевых (от ста до 170 метров).

В архивных документах начала 1830-х годов уже упоминаются улицы: Верхняя, Георгиевская, Заречная, Итальянская, Набережная, Присутственная, а также две площади – Большая и Новая (Троицкая).

Судя по старым картам города, в XVIII-XIX веках Минусинск застраивался довольно-таки планомерно, имел прямые, параллельные улицы. К середине XIX в. было уже полтора десятка улиц. Окраинными были улицы, соответствующие современным улицам Ачинской и Повстанской (рис. 1, 2).

Как правило, присвоение названий шло от местоположения улицы, или от расположенных на ней учреждений. Последний факт приводил к тому, что к началу XX века одна и та же улица имела несколько наименований. Даже в крупных городах присвоение наименований было стихийным и не оформлялось официальными документами. Моментом появления или исчезновения топонима считается год его первого или последнего упоминания, и то же относится к изменению границ. Если же постановление (указ, решение, распоряжение) существует, то всегда даётся точная дата его издания.

Один из первых Минусинских окружных начальников Александр Кузьмич Кузьмин (в 1827-1836 гг.) спустя 20 лет опубликовал свои воспоминания:

«А в Минусинске до моего приезда только и было хорошего, что одна каменная – и теперь единственная в целом городе – церковь... Затем, почти все обывательские дома были выстроены на крестьянский лад: с волоковыми окнами, с пузырями вме-

---

¹ Справочник по истории улиц г. Минусинска. – minusinsk.info

Рис. 1. План окружного г. Минусинска, составленный в 1853 г. МКМ инв. № 309

сто стёкол, с высокими из драни кровлями, а большая половина совсем без кровель, с растущей на потолке крапивой и вдобавок без ворот и заборов.

Таковые беспорядки, по отзывам хозяев, происходили за недосугом, за ленью, ибо в Минусинске, по дешевизне леса дом не составляет ценности, и хозяин, заботясь о внутреннем приюте, мало заботится о наружной прочности. Песчаный грунт избавляет от грязи, но зато сотни скота ночевали на улицах, и от навоза не было прохода. Вдобавок неотразимый пикульник везде образовал кочки, и по городу невозможно было проехать десяти сажен, чтоб не наткнуться если не на овцу, то на куст ирису. Впрочем, чего можно и требовать от города, который до 1823 г. был простым селом с местопребыванием комиссара.

В бывшем волостном правлении поместились градская полиция и тюрьма, в бывшем комиссарском доме – окружной совет, земской и окружной суды, в комиссарской кухне – соляная лавочка и казначейство, в комиссарском погребе – жилище кваса и капусты – денежная кладовая. Вот каким нашёл я Минусинск в 1827 г.!

Не таким оставил я его в 1836-м... Везде выпрямлены улицы, поправлены заборы, ворота, мосты, не говоря о поправке частных домов, которые явились с колоннами, фронтонами, балконами и итальянскими окнами. И всё это в лучшем вкусе, с архитектурных чертежей, обито тёсом, раскрашено. При сем надобно припомнить, что большая часть казённых и общественных строений, например, больница и гостиный двор, заведения из добровольных пожертвований, в которых я был и участником, и беспрестанной пружиной ходатайства. Другие строения, например, полиция и казначейство, были выстроены мною вновь, экономически на сумму, ассигнованную только на их поправку: так, новая полиция с каланчой, с пожарной трубой и всеми инструментами обошлась казне в тысячу рублей ассигнациями. Не успел я только выстроить дома для уездного училища, и тысячу рублей, собранных для него пожертвованиями, отправил в приказ общественного призрения. **Смело, без**

хвастовства могу сказать, что Минусинск – моё создание» [Искра Ильича, 1988, 26 июля, с. 3-4].

Можно предположить, что именно Кузьминым были предложены наименования улиц Георгиевская (Егорьевская) и Итальянская, впервые упоминаемые в документах с 1830 г.

Описания Минусинска 1830-х годов можно найти в воспоминаниях декабриста А. П. Беляева, опубликованных спустя 40 лет, и потому покрытых неким флёром времени.

«Главный центр Минусинского округа был тогда маленький городок, называемый Минусинском, имевший с дюжину широких улиц, одну хорошенькую каменную церковь, зимой тёплую, и при ней богадельню, где содержались старые и увечные, гостинный двор порядочной архитектуры с колоннами, присутственные места, две площади, словом, всё нужное или необходимое для города» [Беляев, с. 199].

Следующий этап в формировании городских кварталов относится к 1875 – 1877 гг. Красноярскому окружному землемеру, коллежскому секретарю Икингрину Енисейской казённой палатой было предписано летом 1875 г. сделать прирезку городских кварталов Минусинска. Это потребовало составления нового плана города, что Икингриным и было сделано. План был представлен в общем собрании Минусинской Думы 13 октября 1875 г.

Из переписки 1877 г. следует, что землемер Икингрин, находясь в Минусинске с 1 декабря по 1 мая для составления плана, «занимался делом не более 17 дней и не окончил данного ему поручения». «Кварталы, лежащие от Гостинодворской площади вверх по протоке р. Енисея и выходящие задами на протоку, имеют в натуре совсем другую меру, переулки между этими кварталами, вместо 10-саженной, показанной на карте ширины, имеют 7,5 сажен... Южный квартал от Базарной площади значится на плане по восточной линии 29 сажен, а в натуре по измерении 13 сажен... Также несогласно с планом выдвинуты постройки по Церковно-загородной и другим улицам...» [АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 84. Л. 39]. Именно с 1870-х гг. начинается расширение городской черты Минусинска, формирование новых улиц. Часто эти

улицы в документах о купле-продаже домов и земельных участков именуются «вновь строящимися улицами», что усложняет задачу «приписки» их к месту. Причём, вначале улица могла иметь одно название, а спустя несколько лет другое.

Влияние на планировку городских улиц оказывали и местные купцы. В 1883-1884 г. минусинский купец 1-й гильдии, бывший городской голова, подарил городу для размещения в нём учебного заведения приобретённый им ранее, в 1877 г., дом, на углу улиц Гостинодворской и Староприсутственной (ныне ул. Мартьянова и Красных Партизан). Этот подарок оказался сродни «троянскому коню». Во-первых, у города долго не было средств на ремонт и перестройку здания. Во-вторых, пришлось вносить изменения на уже утверждённый план Минусинска, и долго согласовывать с губернскими учреждениями.

Из рапорта Енисейского окружного землемера Беньковского в ноябре 1884 г.: «Минусинская городская дума по постановлению своему от 15 марта 1884 г. заключила: ввиду принятия от купца Гусева пожертвованного под женскую прогимназию деревянного дома с условием оставить его на том же месте, является необходимым на утверждённом плане Минусинска сделать изменения: 1) проектированное расширение Гостинодворской площади следует уменьшить до дома бывшего купца Гусева – предположенного под прогимназию..., 2) сокращая расширение Гостинодворской площади, само собой является приличным направить к ней и открываемый Гостинодворский переулок... Гостинодворская площадь по Беловской и Староприсутственной улицам уменьшилась на 23,5 сажени, а Гостинодворский переулок перенесён...» [АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 104. Лл. 38-39].

Описание городских улиц нашлось и в сочинении минусинского почтальона Парфения Сюксина, 30 лет, сдававшего экзамен для получения классного чина. По русскому языку ему досталась тема «Город Минусинск»:

«Улицы в Минусинске узкие и кривые. Главная, или Большая, улица идёт с севера на юг, т. е. поперёк города. Вторая улица, пересекающая Большую и считающаяся теперь самую краси-

вою, называется Беловскою. Всех улиц 15; они носят следующие названия: Церковно-Загородная, Ново-Присутственная, Барнаульская, Беловская, Старо-Присутственная, Набережная, Георгиевская, Итальянская, Дьяконовская, Егонская, Гостинодворская, Чуевская, Копьёвская и проч.

Из общественных зданий здесь следует: городская управа, это здание каменное, двухэтажное, на верхнем этаже городское 3-х-классное училище, а внизу помещается городское управление; сиротский суд и общественный банк; местный музей, в нём находится много отделов: естественно-исторический, археологический, привлекающие внимание не только русских учёных, но и иностранцев. Городская богадельня для бедных, выстроенная местным купцом Н. М. Зайцевым; Городская больница, недавно выстроенная, находится отдельно от города; три приходских училища; городской театр.

Из казённых зданий: полицейское управление, одноэтажное здание, фасадом на площадь к Троицкой церкви; каменное двухэтажное казначейство; почтово-телеграфная контора на Новоприсутственной улице, здание деревянное, одноэтажное.

Церквей в городе четыре: Спасский собор, Троицкая церковь, Кладбищенская во имя Сретения Господня, Александро-Невская острожная церковь.

Жителей в Минусинске насчитывается до 10 тысяч; основное население составляют природные сибиряки, часть – переселенцы из России. Кроме переселенцев и сибиряков, есть ссыльные и инородцы-татары. Из занятий жителей заслуживают внимания следующие промыслы: производство мыла, выделка кож, шорничество, шитьё шуб и производство катанок» [АГМ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 135. Лл. 57, 69].

К этому же времени относятся и воспоминания Александра Сидоровича Шаповалова, участника революционного движения в России. Был сослан в Сибирь за участие в рабочей стачке. В 1898 – 1901 гг. находился в ссылке в с. Тесинское Минусинского округа.

«Немощные улицы и площади, отсутствие водопровода, ка-

Рис. 2 Инвентарный план окружного города Минусинска. 1877 г. МКМ Инв. 348

нализации, газового и электрического освещения, деревенского типа дома, тишина и безлюдье – всё это придавало Минусинску вид большого сибирского села. От последнего он отличался тем, что в нём было почтовое управление, казармы, больница, полицейское управление, несколько церквей, тюрьма и, наконец-то, то, что не всегда можно встретить и в губернских городах России, знаменитый Минусинский музей, помещённый вместе с библиотекой в большом каменном здании.

Проплутав значительную часть времени на улицах города, ввиду полного отсутствия названий на углах их и номеров на домах, я, наконец, нашёл одного за другим политических ссыльных» [Шаповалов, с. 226-227]. (Воспоминания опубликованы спустя почти 40 лет)

Первое официальное переименование городских улиц приходится на 1913 г., когда по всей Российской империи широко праздновалось 300-летие царствования династии Романовых. В Минусинске тогда появились улицы Михайловская, Петра Великого, Александра II.

Кроме вышеназванных улиц, существовавшие на 1917 г. улицы можно разделить по общепринятой классификации на улицы, получившие наименование:

– по местоположению – Верхняя, Заречная, Набережная, Боровая;

по географическому принципу – Барнаульская, 1-я Барнаульская, 2-я Барнаульская, Итальянская, Большая Итальянская, Малая Итальянская, Песочная, Степная, Мало-Степная;

– по значимости для города – Большая, Большая Почтовая дорога, Трактовая, Почтовый тракт;

– по расположенным учреждениям и предприятиям: Почтово-телеграфная, Почтамская, Старопочтамская, Полицейская, Старополицейская, Присутственная, Староприсутственная, Новоприсутственная, Лекарская, Больничная, Казарменная, Кузнечная, Кузнечные ряды, Солдатская слобода, Кожевенная слобода, Острожная, Фабрики и заводы, Музейная, Старо-Магазинная, Ново-Магазинная, Базарная, 1-я Базарная, 2-я Базар-

ная, 3-я Базарная, Ново-Базарная, Гостинодворская, 1-я Гостинодворская, 2-я Гостинодворская;

– в честь первых или известных жителей улицы – Беловская, Малининская, Мартъяновская, Чуевская, Нечаевская, Кузьминская, Старокузьминская, Каминерская, Егонская, Копьёвская, Баховская, Спорышевская улица, также Офицерская, Поповская, Дьяконская; переулки – Ильминский, Лихачёвский, Шикинский, Дегтярёвский;

– по названию расположенных церквей – Спасская, Вознесенская, Стретенская, Церковно-Загородная.

Старые названия отражают исчезнувшие особенности города, дают важную информацию о забытых страницах местной истории.

Массовое переименование улиц состоялось вскоре после освобождения Минусинска партизанами, в январе 1920 г., когда двум десяткам улиц присвоили новые революционные названия – Красных Партизан, Октябрьская, Штабная, Утро Сентябрьское и др. (1920-й год – это время, когда по всей стране новая власть вычеркивала из обихода старые «царские» наименования улиц и внедряла новые). Новая топонимика приживалась с трудом. Жители города предпочитали старые привычные названия, и даже местные власти некоторое время указывали их в своих решениях.

В опубликованных в 1960-е гг. воспоминаниях Е. И. Чайковской-Гидлевской о минусинских подпольщиках в период 1918-1919 гг. приводятся и старые, и новые названия улиц. «Одну из явок устроили у меня на квартире по ул. Новоприсутственной, ныне ул. Октябрьской, в доме № 36, принадлежавшем домовладелице Широковой. Я работала тогда портнихой на дому. Перед каждым собранием подпольщиков, заблаговременно вывешивала на окне объявление: «Продается манекен», или «Принимаю заказы на модные платья». Это был условный знак о сборе. Я помню и других подпольщиков, которые собирались в столярной артели, находившейся на углу улиц Песочной и Церковно-Загородной и в пимокатной кооперативной артели. ...Кульчицкий у нас не останавливался, а поговорив с моим мужем

– подпольщиком Каспер Гильяровичем Чайковским, уходил на явочную квартиру Якубовской по ул. Песочной» [Чайковская – Гидлевская, 1968].

В 1920-е годы начали активно застраиваться новые кварталы уже существовавших улиц – Утро Сентябрьское, Боровая, а также формироваться новые улицы – Майская, Манская, Лугавская, Алтайская, Садовая, Вокзальная (рис. 3).

В последующие годы переименования случались довольно часто. В 1930-е годы даны собственные названия улицам на острове Тагарском, ранее именовавшимися линиями (рис. 3).

В эти годы город быстро рос за счёт приезжающих из сёл и других городов. Если в 1926 г. общая протяжённость городских улиц и переулков составляла 50 км, то в 1933 г. уже 73,7 км. Протяжённость тротуаров – 40 км. Общая площадь города составляла 6200 га.

В 1950-е годы состоялось новое массовое переименование улиц, когда существовавшим семи Рабочим, четырём Северным улицам, трём Набережным речки Минусинки были присвоены новые наименования. В деле присвоения названий и тогда не было порядка: порой улице присваивали название, а спустя несколько лет его «переносили» в другую часть города. Так было с названиями улиц Абаканская, Кравченко.

В середине 1950-х гг. новым улицам в западной части города были присвоены названия Абаканская и Кравченко. Но спустя десять лет улицу Абаканскую переименовали в ул. Хвастанцева. Наименование Абаканская было дано улице Колхозной на острове Тагарском.

Улицу Кравченко в 1969 г. переименовали в ул. Канскую, а название перенесли в центр старой части города, путём замены наименования Крестьянской улицы.

О том, каким был Минусинск в середине XX в. можно найти в воспоминаниях Т. П. Милютиной, находившейся в ссылке вместе мужем И. К. Милютиным: «В Минусинске, в центре города – большие каменные дома ещё царского времени, в которых размещались городские учреждения. Были и старинные особняки.

В одном из них прекрасный этнографический музей, созданный умным и образованным старожилом города – Мартьяновым.

Был район современных домов, вообще же город был из деревянных одноэтажных построек на высоком фундаменте, около каждой большой огородный участок, что удлиняло улицы. Вход был со двора. Ходили по мостовой, потому что из окон на тротуар иногда выплескивали грязную воду! Жили без канализации и водопровода, питьевую воду несли из колонок. Может быть, в центре было цивилизованнее – этого я не знаю.

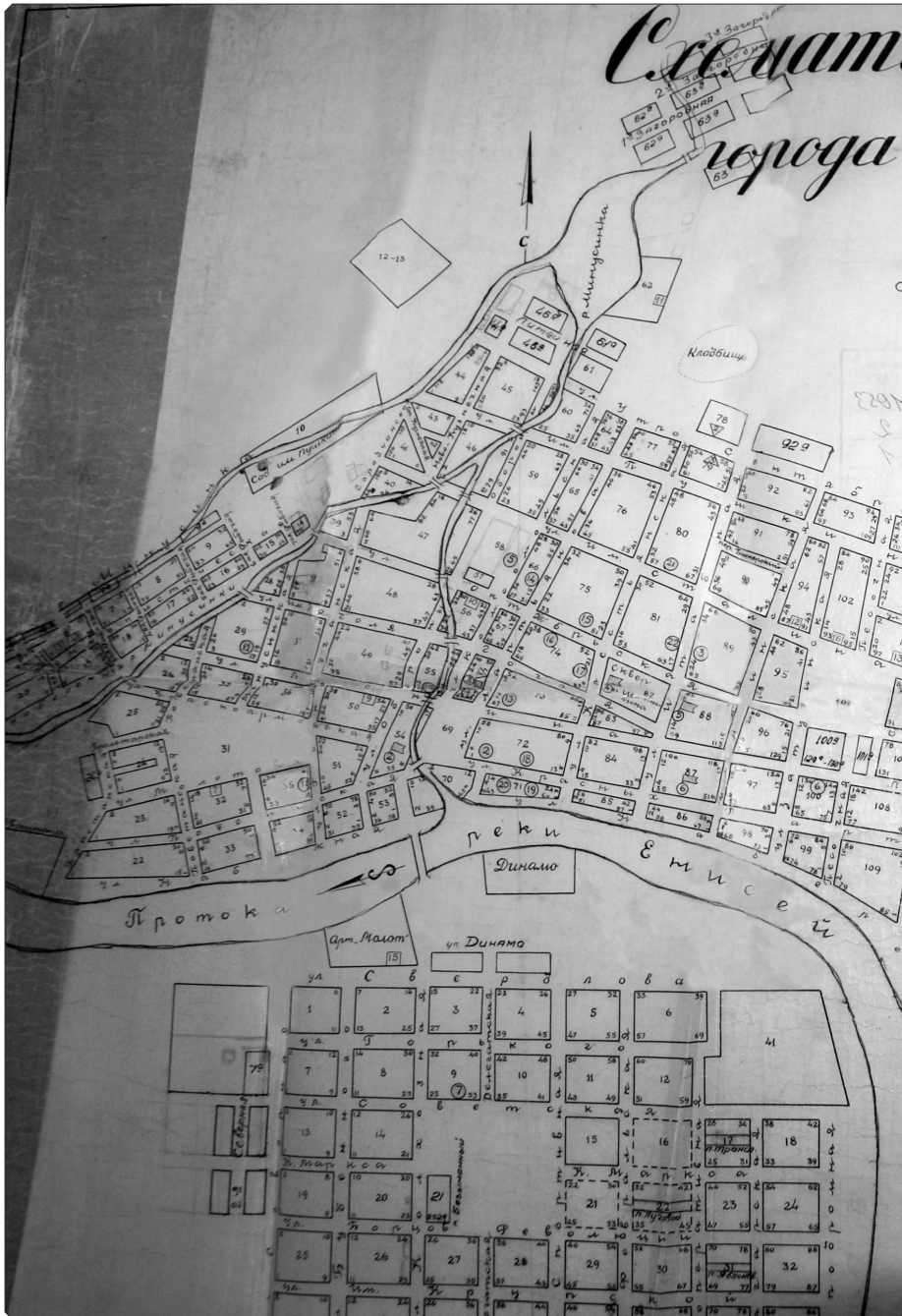
Главная улица, как и полагалось в то время, была улица Сталина. На ней больше всего продавали домов, но для Ивана Корнильевича жить на улице с таким названием было совершенно неприемлемо. Наконец нашли половину низкого старого дома по улице Пушкина, 16. Был и двор, и сараи, и огородный участок вдоль берега Минусинки. Не знаю, была ли она где-нибудь более приглядной — около нас представляла собой широкую, обшитую досками канаву. Как-то не очень было видно, что вода в ней течёт, но поливать огород было удобно. Мы не знали, покупая, что каждую весну во время таяния снегов в горах, эта часть города — вместе с нашим домом — оказывалась затопленной. Говорили, что раньше на Минусинке, у подножия гор, стояла водяная мельница, шлюзами регулировавшая напор воды. После разрушения мельницы Минусинка исправно заливала окрестности...» [Милютина, 1997].

Отдельная глава её воспоминаний посвящена Николаю Алексеевичу Раевскому. «Запомнились пустяки: переехав на новую квартиру на улице Сталина, Раевский со вздохом сказал, что теперь живёт на улице, «не к ночи будь помянутого» [Милютина, 1997]. Раевский жил на квартире в доме № 24.

В XX веке, расширяясь во все стороны, Минусинск потерял свою прямолинейность, на окраинах стал кривобоким, с улицами-закорючками, с переулками-тупиками.

То, что творится с городской планировкой в новых микрорайонах в последние двадцать лет – это проблема не только для нынешних жителей, но и для будущих исследователей мест-

ной истории. От первоначальных планов на практике остались лишь общие направления. Если взглянуть на современную карту микрорайонов «Береговой» и «Центральный», то это больше похоже на лабиринт, чем на карту города. Улица Российская – на протяжении двух километров 5 раз (!) меняет направление, уходя куда-то в сторону. Большая часть улиц – коротышки, триста-четырееста метров длиной, с четырьмя – восемью домами; некоторые улицы на деле превратились в тупики. Много неточностей в названиях и исторической недостоверности – улицы Братьев Гусевых, Братьев Фёдоровых, Братьев Солдатовых!

В топонимике города, помимо официальных наименований улиц, существуют и другие ориентиры. Это своего рода неформальная топонимика, т. е. названия улиц и районов города, существующие преимущественно в устной речи. Есть понятия «старая» часть и «новая» часть, «за протокой», «гора», «Цыганское болото», «Горбатый мост». При этом в устной речи никак не приживается топоним «остров Тагарский», хотя уникальностью Минусинска является тот факт, что значительная жилая часть города расположена на острове.

В 1980-е годы, при застройке новых микрорайонов острова Тагарский, появились меткие народные «прозвища»: «БАМ» и «Малая земля». «БАМ» – это прямая ассоциация с великой стройкой. «БАМ» – это III-й микрорайон, строительство которого началось за пустырями, на значительном расстоянии от существующей на тот момент окраинной улицы Народной; отражает отдалённость микрорайона.

Название «Малая земля» – это четвёртый микрорайон, который долгие годы был мало застроен. Появилось в начале 1980-х годов, вскоре после выхода воспоминаний Л. И. Брежнева «Малая земля».

В советское время многие улицы города получили усложнённые названия, когда были добавлены инициалы или сокращения в форме «имени», «им.». И в XXI веке нет единого порядка в наименовании «персональных» улиц. Понятно желание инициаторов увековечить имя заслуженного минусинца. Но

здесь минусов гораздо больше – как для жителей этих улиц, так и для чиновников различных учреждений. Все эти многокомпонентные наименования в бытовом употреблении используются в усечённом виде: улица Ауходеева – вместо официального «улица имени М. С. Ауходеева», улица Колесникова – вместо «им. Б. И. Колесникова», улица Кравченко – вместо «улица им. Кравченко А. Д.».

В неформальной (народной) топонимике эти лаконичные названия выполняют функцию и исторической памяти, и географического уточнения. Название улицы Беловской возникло ещё при жизни купчихи Беловой. И уже после её смерти местная власть официально закрепила за улицей Барнаульской новое название.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что названия городских улиц – это и зеркало истории, и народное достояние. Следует при присвоении новых названий думать и о том, что названия будут существовать десятилетия и даже века.

Список литературы:

1. *Беляев А. П.* Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом. – Красноярск, 1990. – 312 с.
2. Искра Ильича, 1988, 26 июля, с. 3-4. [Кузьмин А.К.] Из подлинных записок А. К. Кузьмина.
3. *Милютина Т. П.* Люди моей жизни / предисл. С. Г. Исакова. – Тарту : Крипта, 1997. – 415 с. – Указ. имен.: с. 404-412.
4. *Чайковская-Гидлевская Е. И.* О минусинских подпольщиках-большевиках. // За власть Советов на юге Сибири : воспоминания участников Гражданской войны в Минусинском уезде Енисейской губернии / сост. К. Г. Копкоев ; ред. В. К. Логвинов. – Красноярск : Красноярское книжное издательство, Хакасское отделение, 1968.
5. *Шаповалов А. С.* В борьбе за социализм : воспоминания старого большевика-подпольщика / А. С. Шаповалов. – М. : Старый большевик, 1934. – 839, [1] с., [17] л. ил.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Нагорных Валентина Викторовна,научный сотрудник научно-фондового
отдела МБУК МКМ им. Н. М. Мартьянова

E-mail: val.nagornih2012@yandex.ru

Адрес: г. Минусинск, ул. Трегубенко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Nagornykh Valentina Viktorovna,researcher of the scientific fund department
of the Minusinsk Regional Museum of Local
Lore named after A. I. N. M. Martyanova.

E-mail: val.nagornih2012@yandex.ru

Address: Minusinsk, st. Tregubenko

РАЗДЕЛ IV. МУЗЕЙ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

УДК: 308

И. А. Грачёв

КОЛЛЕКЦИЯ ХАКАССКИХ ТРЯПИЧНЫХ КУКОЛ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА

Аннотация: Статья описывает коллекцию тряпичных кукол-скруток из собрания Минусинского краеведческого музея. В тексте статьи рассматриваются некоторые вопросы формирования, типологии, хронологии и состава коллекции. Кроме того, автор касается некоторых проблем интерпретации происхождения традиционной игровой куклы хакасов.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура хакасов, хакасская этнография, кукла, кукла скрутка.

I. A. Grachev

COLLECTION OF RAG DOLLS OF KHAKAS IN THE MINUSINSK MUSEUM OF LOCAL LORE NAMED AFTER N. M. MARTYANOV

Annotation: The article describes a collection of rag dolls-rolls from the collection of the Minusinsk Museum of Local Lore. The text of the article discusses some issues of the formation, typology, chronology and composition of the collection. In addition, the author touches upon some problems of interpretation of the origin of the traditional Khakas play doll.

Keywords: Khakass, traditional culture of Khakass, Khakass ethnography, doll, twisted doll.

Эта статья посвящена открывшейся 12 августа 2022 года в этнографическом зале Минусинского музея выставке «Дочки-матери» – выставке традиционной хакасской тряпичной игровой куклы. Проект, реализованный в течение года, стал первым плодом обновлённого сотрудничества старейшего музея России (МАЭ РАН, Кунсткамера), старейшего музея Сибири (МКМ им. Н. М. Мартьянова) и одной из самых первых научных общественных организаций России (РГО, Красноярское отделение). Благодаря деятельному участию руководителей этих учреждений – А. В. Головнёву, С. А. Борисовой и И. А. Спириденко, подписавших в сентябре прошлого года трёхсторонний договор о сотрудничестве, проект был реализован. Непосредственными исполнителями проекта являлись И. А. Грачёв, О. Г. Ахремчик и Е. В. Леонтьев.

Выставка во всей своей полноте представляет хакасских тряпичных игровых кукол, хранившихся в фондах музея. В коллекции собраны куклы качинцев и сагайцев – различных этнотерриториальных групп хакасов. На сегодняшний день эта коллекция – самое большое и полное собрание хакасских кукол XIX–XX вв. в музейном фонде России. Помимо Минусинского музея, хакасские куклы хранятся в собраниях музеев Санкт-Петербурга – МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера) и в Российском этнографическом музее. Однако, по своей полноте и размерности, коллекция Минусинского музея является самой впечатляющей.

История формирования и экспонирования этой коллекции с одной стороны, окутана тайной, с другой – освещена грандиозным успехом. Нам неизвестны имена её собирателей, и это является предметом дальнейших исследований. В духе народного музея, каковым и является Минусинский музей, автор анонимен. Известно только то, что коллекция была собрана не за один раз, а формировалась путём целого ряда сборов и дарений. Свидетельство тому – разные коллекционные номера предме-

тов. Первое упоминание о хакасских куклах, хранящихся в собрании Минусинского музея, встречается у Е. К. Яковлева в «Описании Минусинского музея» [Яковлев, 1900, с. 65]. Этот каталог и, в особенности его этнографическая часть, сообщает, что в собрании музея хранятся два картона с куклами и кукольной одеждой, предметы кукольной мебели, колыбель с куклой ребёнка и семь отдельных кукол.

Яркой страницей в истории коллекции является путешествие её части, в числе других этнографических предметов, на Всемирную Парижскую выставку 1900 г. Собственно, куклы и кукольная одежда, закреплённые на картонах, являлись экспонатами Всемирной Парижской выставки. Для Минусинского музея эта выставка стала определённой вехой в истории. На Всемирной Парижской выставке 1900 г. за свои этнографические коллекции музей получил серебряную медаль. История движется по спирали, с каждым новым витком повторяя траекторию и поднимаясь ввысь по пути прогресса: как и век назад, появлению коллекции в публичном пространстве поспособствовало РГО и учёные Северной столицы; как и век назад, коллекция оживила забытые и стёртые из памяти образы.

Традиция изготовления кукол и игры с ними уходит в глубокую древность. Особенно эта связь времён прослеживается на территории Хакасско-Минусинской котловины. Среди местных древностей нельзя не упомянуть образы вылепленной из глины и обожжённой в огне палеолитической куклы с Маинской стоянки [Васильев, 1996], куклы-гальки с гравировками, относящиеся к эпохе бронзы и найденные в большом количестве на поселении Торгажак [Савинов, 2003] и, наконец, полноразмерные погребальные куклы эпохи переселения народов [Вадецкая, 1999].

Говоря о самих хакасских куклах и играх, с ними связанных, важно отметить, что в хакасском языке имеется несколько слов, обозначающих куклу. Согласно русско-хакасскому словарю, кукла – ж. *көклө, ончаа, кічек, апыйах, ахпыйах*. Разнообразие терминов, обозначающих куклу, скорее всего, говорит о большом разнообразии типов кукол.

Известно, что у хакасов была широко распространена обрядовая кукла – *тёс*. Вильчатые *тёси*, представлявшие собой рогатки, повернутые вилок вверх, часто изображали предка и имели антропоморфный вид. Их антропоморфность не всегда очевидна, но если перевернуть их рогами вниз, то она становится отчётливой. Вероятно, таким образом с помощью элементарной инверсии изображали умершего предка, переворачивая его вверх ногами. Так же, как и игровым куклам, *тёсям* делали причёску из кос (всегда заплетали две косы как у замужней женщины). Однако для обрядовой куклы, в отличие от куклы игровой, никогда не использовали человеческий волос, заменяя его конским волосом или растительными волокнами. С помощью тряпочек, привязанных к рогам вилки, изображали лицо. С такой куклой общались, её кормили.

Игры с куклами у хакасских детей мало чем отличались от таких же игр в других традиционных обществах. Игра в «гости», «свадьбу» или в «дочки-матери» была для них самым обычным делом. Для таких игр иногда делалась игрушечная юрта со всей обстановкой: с тюфяками, занавесками, зыбкой [Яковлев, 1900, с. 65].

У хакасов, как и у их соседей шорцев, алтайцев и тувинцев бытовали куклы-скрутки, свёрнутые и сшитые из лоскутов войлока, ткани, шкур и кожи. Основой такой куклы был лоскут ткани или войлока, свёрнутый в рулон, в отдельных случаях лоскут предварительно сшивали в рукав. Иногда вся кукла собиралась на деревянном прутике (МКМ ОФ №2077/3). В некоторых случаях на основу нашивались небольшие подушечки, имитирующие женскую грудь (МКМ ОФ №1923/1, №2029/1, №2029/2). У более поздних кукол, низ основы рукава раскроен на две половины – штанины (МКМ ОФ №2068/1 и №2068/2). Точно таким же образом скроена основа куклы мужчины (МКМ ОФ №2076.2).

Верхнюю часть такой скрутки оборачивали рулончиком лоскутка ткани, свёрнутого в несколько раз. Такой рулон скручивали очень туго, а его конец пришивали нитками. Таким образом получалась голова куклы. У архаичных экземпляров голова куклы была обтянута красным лоскутком (МКМ ОФ №2077/1,

№2077/3, №2077/4, 2029/1, №2029/6, №2029/Ж, №1923/1, №1923/2, №2085/3). Точно так же красным лоскутком ткани обозначали лицо *тõся* – обрядовой хакасской куклы. Никаких деталей лица у старинных кукол не обозначалось, что также характерно для традиционных кукол Юга Сибири. У более поздних кукол голова обтянута белой тканью (МКМ ОФ №2029/2, №2068/1, №2068/2, №2085, 2076/1, №2076/2, 2085/2). У кукол, относящихся к 20–30 гг. XX в., имеются нарисованные глаза, брови, нос, рот и уши (МКМ ОФ №2068/1, №2068/2). К верху головы, на затылок куклы пришивали локон или прядь человеческих волос. Таковую прядь прихватывали стежком поперёк, а затем заплетали в косы. Число косичек говорило о том, кого изображали – девушку или женщину. Употребление человеческих волос для изготовления куклы говорит о многом. В традиционной культуре использование волос было строго регламентировано и носило обрядовый характер. Применение такого материала при изготовлении куклы указывает на её древнее сакральное и обрядовое происхождение. Известно, что, помещая частицу себя в предмет, мы одушевляем его, делая его частью себя. Эта технология проста и понятна и имеет очень древнее происхождение. Скорее всего, в более ранние времена кукла использовалась не только как игрушка, но и как оберег-помощник. На это же указывают сюжеты хакасских сказок, где кукла спасает свою хозяйку, выдавая себя за неё (этот сюжет подсказал мне В. Я. Бутанаев в личной беседе).

Поверх основы одевалось платье куклы, которое можно было легко менять. Кукольная одежда представляла собой полный набор хакасского летнего и зимнего костюма. Самой простой одеждой было традиционное хакасское платье *кõгенек* с традиционным кроем, когда перед подола делается короче, чем задняя часть, образующая своеобразный шлейф. Подол расклешен с трёх сторон – по бокам и сзади. Под рукава вшиты ластовицы, на плечах наплечники. К горлу пришит отложной воротник, а к рукавам манжеты. Есть кукла, одетая в традиционную женскую безрукавку *сёгедек* с вышитой спинкой (МКМ

ОФ №2029/6). Есть куклы, одетые в традиционное пальто секпен (МКМ ОФ. №2085/2, №1923/1).

Хакасская традиционная кукла до сих пор остаётся малоизученным феноменом хакасской культуры, незаслуженно забытым и вытесненным пластом народной культуры. На этом попроще нас ждут новые открытия и находки, но уже сейчас можно сделать вывод о том, что кукла всегда находила своё место рядом с ребёнком независимо от того, какое значение ей придавали. Кукла всегда была защитником, компаньоном и учителем маленького человека. Была она и его утешением в детских печалях и горестях: «На, куколка, покушай, моего горя послушай».

Список литературы:

1. Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. // СПб; «Петербургское востоковедение». 1999. – 440 с.
2. Васильев С. А. Поздний палеолит Верхнего Енисея: по материалам многослойных стоянок района Майны. СПб., 1996.
3. Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Ленинград. Изд-во «Наука». 1979. – 193 с.
4. Савинов Д. Г. Торгажакские гальки (основные аспекты изучения, интерпретация) // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. – С. 48-70.
5. Яковлев Е. К. Описание Минусинского музея. Вып. IV. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск. Типография В. И. Корнакова. 1900. С. 65.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Игорь Александрович Грачёв,

научный сотрудник Отдела этнографии Сибири, СПб, МАЭ РАН им. Петра Великого (Кунсткамера)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Igor A. Grachev,

Researcher, Department of Ethnography of Siberia, St. Petersburg, MAE RAS n.a. Peter the Great (Kunstkamera)e.mail: lugavka@mail.ru

УДК 005:796/799(571.513)»193»

Р. Э. Максимов

**ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КОЖАНЧИКОВ.
МИНУСИНСКИЕ ГОДЫ (1915-1929 гг.)**

Аннотация: Предметом исследования является изучение деятельности В. Д. Кожанчикова в период его работы в качестве заведующего Государственным музеем им. Н. М. Мартьянова, в г. Минусинск с 1915 по 1929 годы. Проработка и анализ архивных документов, исследовательских работ В. Д. Кожанчикова, его коллег, а также коллекционных фондов, позволяет сделать вывод о его исключительной роли, как продолжателя дела Н. М. Мартьянова в истории Государственного музея им. Н. М. Мартьянова. На примере конкретных фактов отмечается особая роль В. Д. Кожанчикова в спасении архивных фондов города Минусинска, в проведении первой инвентаризации музея, в пополнении коллекционных и библиотечных фондов, в организации исследовательской деятельности и создания «Ежегодника» музея и, в частности, в создании уникальной энтомологической коллекции, представляющей серьёзную научную ценность. Особо отмечены многочисленные случаи использования личных денежных средств В. Д. Кожанчиковым на нужды музея и его видная роль, как исследователя, стоящего у истоков Южно-Сибирской лепидоптерологии. Многие факты, как и следующие из них выводы, публикуются впервые.

Ключевые слова: юг Сибири, Хакасия, юг Красноярского края, Кожанчиков, энтомология, лепидоптерология, чешуекрылые, насекомые, Lepidoptera, Insecta,

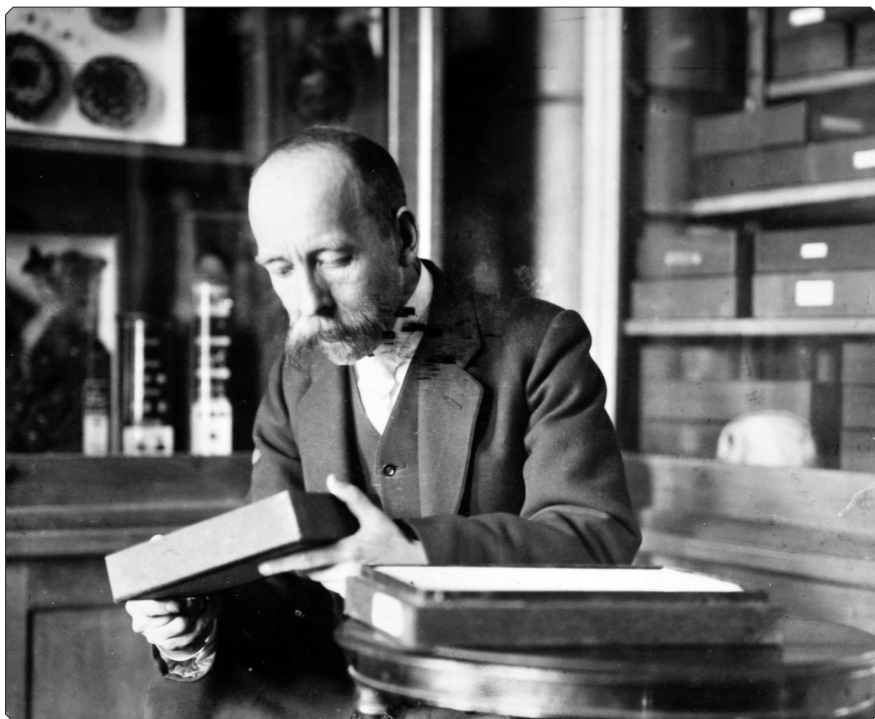
R. E. Maksimov

W.D. KOZHANTSCHIKOV. MINUSINSK YEARS (1915-1929)

Annotation: The subject of the study is the research of the activities of W.D. Kozhantschikov from 1915 to 1929 as a supervisor of Minusinsk Martyanov's Museum. Study and analysis of local archival documents, Kozhantschikov's and his colleagues research papers as collection funds as well, were made. The key and important Kozhantschikov's role as the successor of the case of N.M. Martyanov's Museum in history has been identified. The special W.D. Kozhantschikov's role of in saving the part of archival funds of the city of Minusinsk, conducting the first inventory of the Minusinsk Martyanov's Museum, replenishing the collection and library funds, creating the «Yearbook» of the Museum were noted. Numerous facts of the use of personal W.D. Kozhantschikov's funds for the needs of the Museum and his significant role as a researcher, who laid the foundations of South Siberian lepidopterology are particularly noted. Many facts, exactly like the conclusions that follow from them, are published for the first time.

Keywords: South of Siberia, Khakassia, South of the Krasnoyarsk Territory, Kozhantschikov, entomology, lepidopterology, insecta, lepidoptera,

Судьба Василия Дмитриевича Кожанчикова (далее сокращенно В. Д.) (рис. 1, 3), пытливого исследователя и талантливого музыканта, работавшего в начале XX века в должности заведующего Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова (далее Музей), является наглядным и, к сожалению, печальным примером того, как в сравнительно короткое время могут быть забыты столь очевидные трудовые заслуги и ещё более заметные исследовательские достижения. Возможно, интерес к судьбе этого незаурядного человека именно сегодня, спустя столетие – не стечение обстоятельств, а ещё одно подтверждение очевидной

Рис. 1. В. Д. Кожанчиков за работой с коллекцией насекомых. Автор Ф. Г. Кушнарёв. Из архива МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартыанова МКМ ОФ-8774/91

истины, что всё большее видится на расстоянии. Подготовка этого материала способствовало увлечение автора коллекционированием чешуекрылых, в последние годы трансформировавшееся в увлекательный поиск не отмеченных ранее для Республики Хакасия и юга Красноярского края таксонов бабочек [Maksimov, Ivanov, Knyazev, 2019; Лощев, Максимов, 2021]. Неотъемлемой частью этой деятельности стало изучение научных статей и путевых заметок исследователей и учёных-энтомологов, работавших в нашем регионе ранее, с начала XX века. Заметим, что ещё до В. Д. Кожанчикова на территории современной Хакасии и юга Красноярского края проводились исследования и наблюдения рядом энтомологов [Якобсон, 1901; Мейнгард, 1912; Суш-

кин, Четвериков, 1907; Чугунов, 1912, 1913]. Отдавая должное авторам этих работ, необходимо отметить, что их исследования проводились на основе материала, собранного в узких временных рамках, порой, как они отмечали сами, при неподходящих погодных условиях, а зачастую, параллельно с выполнением других задач. С приездом в Минусинск В. Д. Кожанчикова энтомологические исследования в регионе впервые приобрели последовательный и регулярный характер. Это чётко проявилось при сравнении нами коллекционных и научных данных всех известных нам лепидоптерологов, работавших на территории нашего региона. Сравнительный анализ видового и численного состава чешуекрылых, собранных разными исследователями на территории современной Хакасии и юга Красноярского края, красноречиво демонстрировал, что именно энтомологические сборы В. Д. Кожанчикова и его коллег стали основой региональных энтомологических данных. Ими, как 100 лет назад, так и сегодня продолжают пользоваться учёные всего мира.

Важнейшая роль В. Д. Кожанчикова, как исследователя энтомофауны юга Сибири, стала второй веской причиной нашего пристального интереса к его персоне. Персональное общение с учёными-энтомологами лишь укрепило наши заключения, что достоверных данных об этом неординарном человеке до обидного мало. Дополнительную интригу создавало непонимание, как в столь драматичное и сложное для страны время В. Д. удавалось успешно проводить масштабные и углубленные исследования, эффективно совмещая их с руководством Минусинским краеведческим музеем им. Н. М. Мартьянова.

В рамках статьи не ставилась задача писать полную и всеобъемлющую биографию В. Д. Кожанчикова. Во-первых, из-за недостатка документального материала, касающегося периодов его жизни как до 1915, так и после 1929 года. Кроме того, именно Минусинский период жизни этого удивительного человека представлялся нам наиболее интересным и значимым. Зная о подготовке к защите диссертации Т. А. Кузьминой, затрагивающей аспекты культурного влияния В. Д. на жизнь региона,

как музыканта, мы сознательно оставили эту яркую его грань за рамками нашего материала, сосредоточившись на научном и административном аспектах его деятельности. Факты и хронология, изложенные ниже, были почерпнуты из исследовательских работ как самого В. Д. Кожанчикова, так и его помощников по работе в Музее, а также, учёных, не имевших прямого отношения к Музею, но публиковавшихся в его «Ежегодниках». Кроме того, использовались документы архива г. Минусинска и архивные документы Музея им. Н. М. Мартьянова. Некоторые из документальных свидетельств показались нам настолько невероятными, что мы приводим их в качестве прямых цитат. Такие места текста взяты в кавычки и отмечены курсивом, и в этой части нами сохранены авторский стиль, орфография и пунктуация. При использовании авторского текста, мы указывали источник цитирования, дабы оградить себя от подозрений в необузданности фантазии.

Василий Дмитриевич Кожанчиков родился 4 декабря 1866 года в г. Петроград (ныне Санкт-Петербург). Его отец, Дмитрий Ефимович, был одним из редакторов исключительно влиятельной в те годы газеты «Голос», издававшейся А. А. Краевским.¹ Помимо этого, отец Василия Дмитриевича занимался издательской деятельностью, и исследованиями в области «сектантства православия». Как писал о нём Василий Дмитриевич: «... будучи родом из крестьян Рязанской губернии, он своей деятельностью заслужил признание передовых людей того времени. Герцен отзывался о нём весьма лестно». [АГМ, Ф. Р-25., Оп. 1. Д. 975. Лл. 19-22] О своей матери он писал: «...являясь уроженкой Шверина (Макленбурга), она отличалась необычайной энергией. Будучи немкой по природе, она, по приезде в Россию, сдала при Петроградском университете экзамены на звание до-

---

¹ «Голос» – политическая и литературная ежедневная газета, выходившая в Санкт-Петербурге с 1883 г. Газета занимала исключительное положение в русской журналистике как по распространённости, так и по влиянию. Главной задачей редакция считала служение практической разработке реформ 1861 г, но без резких скачков и бесполезной ломки. (прим. Автора)

машней наставницы». [АГМ, Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. Лл.19-22]. Далее Василий Дмитриевич сообщает: «...Вся жизнь родителей моих протекла в общении с передовыми писателями того времени. Так, например, Шевченко, Толстой, Тургенев, Костомаров, Лесков, Достоевский и пр. были близкими людьми нашей семьи и, несмотря на малый свой возраст в то время, я некоторых, особенно характерных и по сей час хорошо помню, в особенности Тургенева и Лескова». ² После смерти отца в 1878 году, «...мать осталась без средств к существованию, но в виду особых заслуг отца она получила небольшую пенсию от Литературного Фонда.» [АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. Лл.19-22] Далее Василий Дмитриевич продолжает: «..Кажется в 1879 году я поступил в 1-е Санкт-Петербургское Реальное училище стипендиатом от г. Петрограда и одновременно занимался музыкой у профессора П. А. Зиновьева, ³ который нашёл меня способным и бесплатно давал мне уроки». [АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. Лл.19-22]

В 1885 году В. Д. Кожанчиков завершил обучение в Реальном училище «...и после смерти П. А. Зиновьева, по его завету, уехал в 1888 году в г. Вену, заканчивать свое музыкальное образование у профессора Т. Лешетицкого». ⁴ В своей автобиографии В. Д. пишет: «...ещё в Реальном училище я увлёкся естественными науками, в особенности, зоологией. По приезде в Вену, занимаясь у профессора Лешетицкого, я слушал в Венском университете лекции по естествознанию и участвовал в кружке студентов – любителей зоологии. Из этого кружка вышел умерший недав-

---

² Так как оригинальный текст не содержит инициалов, затруднительно утверждать о ком из известных в литературе XIX в. Толстых писал в своей биографии В. Д. Кожанчиков. Помимо всемирно известного Льва Николаевича Толстого (1828-1910), это мог быть и его троюродный брат, один из тех, кто стоял за образом Козьмы Прутова – Алексей Константинович Толстой (1828-1910). Также возможно, что имелся в виду и Феофил (Геофил) Матвеевич Толстой (1809-1881) – композитор, музыкальный критик, а также, один из сотрудников газеты «Голос», публиковавшийся под псевдонимом Ростислав (прим. Автора)

³ Павел Алексеевич Зиновьев (1843-1888) – русский пианист, педагог и музыкальный критик (прим. Автора).

⁴ Теодор Лешетицкий (1830-1915) – польский пианист, музыкальный педагог и композитор (прим. Автора)

но знаменитый энтомолог Э. Райттер⁵». Закончив в 1890 году своё музыкальное образование, В. Д. Кожанчиков немедленно перебирается в Германию, где поступает в Гейдельбергский университет на естественный (биологический) факультет, который оканчивает в 1892 году. Вернувшись обратно, в Петроград, он занимается уроками музыки и принимает участие в концертах как в качестве солиста, так и аккомпаниатора. По свидетельству Г. Ф. Кушнарёвой, в этот период Василий Дмитриевич также учился фортепианному искусству у Рубинштейна (к сожалению, нам не удалось узнать наверняка у Артура или Николая), а также гастролирует как солист и аккомпаниатор в Праге, Берлине и Вене. Перед приездом в Минусинск он работает концертмейстером в Мариинском театре оперы и балета [Инвентарная карточка, МКМ Нст ОФ 2142]. В 1894 он женится на Марии Петровне Валуевой, в браке с которой рождаются четверо детей – дочери Галина и Татьяна и сыновья – Лев и Игорь (рис. 2). В дальнейшем, оба сына В. Д. Кожанчикова, будучи выпускниками Ленинградского института Прикладной Зоологии и Фитопатологии, стали верными помощниками своего отца в г. Минусинске. Они принимали активное участие как в сборе и в подготовке коллекционного материала, так и в пополнении фондов Государственного музея им. Н. М. Мартянова, ровно, как и в публикации научных работ.

Как свидетельствует короткая заметка о В. Д. в Сибирской энциклопедии, первоначально он специализировался на жесткокрылых насекомых, по которым с 1909 по 1914 опубликовал семь работ в «Русском энтомологическом обозрении» и «Archiv für Naturgeschichte». В. Д. так пишет о своём бытии в Петрограде до 1915 года: *«Вся жизнь моя протекала в музыкальной деятельности в течение зим, а летом я каждый год уезжал на исследования в разные местности России. Я исследовал Крым, Кавказ,*

---

⁵ Эдмунд Райттер, Edmund Reitter (1845-1920) – австрийский энтомолог, писатель и коллекционер. Был крупнейшим специалистом по жукам Палеарктики, редактором энтомологического журнала Wiener Entomologischen Zeitung, член многих научных обществ, в том числе, Русского Энтомологического Общества. (прим. Автора)

Туркестан (Сырь-Дарьинскую и Закаспийскую области), Александровский и Яблоковый хребты». [АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. Лл.19-22]

«В 1915 году я получил предложение от города Минусинска взять Музей им. Мартьянова в заведование. После недолгого раздумья, я эту должность принял 15 декабря 1915 г.» [АГМ. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 975. Лл.19-22] Мы полагали, что до революции Музей не испытывал серьёзных финансовых проблем, пришедших лишь с 1917 годом и последовавшей за ним Гражданской войной. Но вот как сам В. Д. вспоминает об этом времени: «в конце 1915 я получил это учреждение в заведование буквально в хаотическом состоянии, так как со смерти Н. М. Мартьянова в 1904 году заведующие часто менялись и по совместительству с разными другими службами не могли уделять всё своё время Музею. Лиц же, желающих работать для Музея безвозмездно нет». [АМКМ. Ф.1. Оп.1. Д. 233. Лл.33-35] В другом документе он снова касается этой темы: «Принял я Музей и Библиотеку 15 декабря 1915 без всякого акта о передаче... Положение Музея было нищенское, так как правительственная субсидия была равна 1500 рублей в год, а Городская Управа давала 200 рублей. При таких материальных условиях мне могли дать с трудом 75 рублей в месяц при готовой квартире, освещении и отоплении. Таким образом, с 15 декабря 1915 по 22 марта 1920 я был единственным работником в музее и библиотеке. Помощниками бесплатными были только мои дети, жена и волонтером с 1919 г. (без зарплаты) работал в библиотеке С. Р. Цыганков.

Необходимо упомянуть, что и я, как заведующий Музеем, с осени 1919 года не получал зарплаты. Всё же, и в это тяжёлое время удалось не сокращать деятельности музея и библиотеки, так как, с одной стороны, библиотека давала небольшой доход, а с другой, мы с женой и с будущим сотрудником музея товарищем Цыганковым давали постоянно платные концерты, на доходы от которых покупались книги и экспонаты». [Годовой отчёт музея, 1927-1928, л. 36] В этом конкретном случае незаурядный талант Василия Дмитриевича – музыканта сыграл клю-

чевую роль как для поддержания жизни Музея, так и для обеспечения экспедиционных и полевых работ, направленных на пополнение музейных фондов и расширение исследовательской деятельности в регионе. Эта причудливая экономическая схема, в которой Кожанчиков-пианист будет материально поддерживать работу Кожанчикова-исследователя и заведующего Музеем, безотказно работала и далее, о чём мы ещё не раз вспомним.

«Сыновья же мои посылались мною (на мои средства) в уезд каждое лето для сбора научных материалов для музея и для исследования края». [Годовой отчёт музея, 1927-1928, л. 36]. Подробно об этих экспедиционных поездках говорится в заглавной статье первого выпуска Ежегодника Музея: *«В 1916 году нами был выработан точный план развития Края, но развернувшиеся в дальнейшем события не только лишили возможности планомерно работать, но заставляли нас временами и совершенно её прекращать. Короче сказать, эти семь лет (с 1916 по 1923 – прим. Автора) во всех решительно отношениях не благоприятствовали исследовательским работам».* [Кожанчиков, 1923] И тем не менее сделано было немало. Чтобы понять весь объём проведённой работы и личные затраты В. Д. Кожанчикова в то непростое время, мы детализируем лишь ту их часть, которая касается энтомологии. *«В окрестностях Минусинска исследования с 1916 по 1923 проводились ежегодно. Что касается других местностей, то:*

Лев Кожанчиков совершил экскурсию в окрестности села Беи примерно на месяц с небольшим.

Весь летний период 1917 года С. Р. Цыганков собирал материал в восточной части уезда в Имисской волости (сегодня это Курагинский р-н) близь села Петропавловского. Лев и Игорь Кожанчиковы делали сборы в районе озера Кызыкуль.

В 1918 году Л. и И. Кожанчиковы с конца марта по начало августа собирали в долине р. Казыр-Сука (правый приток Енисея, впадающий у Большого Порога).

В 1920 году Л. и И. Кожанчиковы с конца мая по конец августа собирали в восточной части уезда, у озера Тиберкуль. В 1921 году

Рис. 2. Семья В. Д. Кожанчикова. Слева направо стоят: Семьянов Сергей Николаевич, Кожанчиков Лев Васильевич, Кожанчиков Игорь Васильевич, Самуров Иван Алексеевич. Слева направо сидят: Семьянова (Кожанчикова) Галя Васильевна, Семьянов Виктор Сергеевич (ребёнок), Алимova (Семьянова) Валерия Сергеевна (ребёнок), Кожанчикова (Валуева) Мария Петровна, Кожанчиков Василий Дмитриевич, Самурова (Кожанчикова) Татьяна Васильевна. Младший сын уезжает получать высшее образование в Ленинград. Памятный снимок, сделанный 22.VIII.1924 г. Из архива Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова.

Л. и И. Кожанчиковы собирали в Саянах, у озера Буйба (современная территория Природного Парка «Ергаки» – прим. Автора) на учреждённой нами Буйбинской высокогорной биостанции. С. Цыганков и А. Герасимов-Морачинский с 24 марта по 1 октября собирали на Сухой Горе, в 6 км от озера Тиберкуль.

В 1922 году Л. и И. Кожанчиковы и А. Герасимов-Морачинский до 19 июля работали на Буйбинской высокогорной биостанции, а затем выехали на Тукеек-Кем (реку, впадающую с левой стороны в Енисей, на 23 км ниже Большого Порога).

Собирали всю осень и по дороге на Тукеек-Кем. С. Цыганков собирал с весны в окрестностях села Петропавловского.

В 1924 году С. Р. Цыганков с 20 июня по 8 июля собирал мате-

риал в Кальской степи. С 14 июля по 20 августа Ф. П. Кравченко собирал в районе оз. Шира. С 21 июля по 14 августа Л. и И. Кожанчиковы собирали насекомых в окрестностях Тридцатых озёр, в Курагинском р-не. Было сделано 77 экскурсий в окрестностях г. Минусинска.

В 1924-1925 годах исследования и сборы производились, в основном, в окрестностях г. Минусинска.

В 1927 году С. Р. Цыганков с июля по начало августа исследовал Ойский перевал Саянского хребты (теперь природный парк «Ергаки»). Продолжались экскурсии в окрестностях г. Минусинска).

Не удивительно, что столь активная исследовательская деятельность на слабо изученных территориях Минусинской губернии дала богатейший научный материал. Будучи искусственным энтомологом, В. Д. понимал, что для детального и полноценного изучения всех систематических групп чешуекрылых ему нужна помощь высококвалифицированных специалистов, отсутствие которых было очевидным. Необходимо вспомнить и то, что последний отчёт о научной деятельности музея вышел в 1913 году, и за прошедшие годы накопились неопубликованные данные по истории, археологии, различным разделам биологии и другим областям науки. Вероятно, это и подвигло В. Д. к изданию собственного Ежегодника Музея им. Н. М. Мартынова. Вот что Василий Дмитриевич сообщает в предисловии к первому номеру своего издания о его политике и стратегии: *«Выпускаемый исключительно на средства сотрудников Музея «Ежегодник» (В. Д. скромно умалчивает, что средства были его личные. Это очевидно уже потому, что он был единственным на тот момент официальным работником музея – прим. Автора) имеет целью осведомлять лишь о научной и исследовательской деятельности Музея, а потому в «Ежегоднике» будут помещаться только работы сотрудников Музея и специалистов, не имеющих прямого отношения к Музею, но получивших от Музея или его сотрудников материалы для обработки, собранные в Минусинском крае. Как это было в ближайшем прошлом, так и на будущее время, материалы для обработки будут высы-*

латься лишь тем специалистам, которые примут на себя обязательство печатать в «Ежегоднике» нашего Музея результаты обработки этих материалов». Сформулировав таким образом политику своего издания, В. Д. проявил редкостное для учёного качество талантливый администратор. Прекрасно понимая, что обладает интереснейшим научным материалом, значительную часть которого он не сможет обработать самостоятельно, В. Д. поделился им с другими исследователями, но сохранив за Музеем право приоритетной публикации научного материала именно в своём «Ежегоднике». И хотя из-за недостатка средств «Ежегодник» издавался ничтожно малым тиражом в 200 – 250 экземпляров, представляемая в нём информация и авторитет публикующихся учёных, автоматически превращали его в серьёзное научное, практически, международное издание своего времени. В подтверждение этого напомним, что по установленному в те годы регламенту, публикации о новых видах, а таких в «Ежегоднике» было немало, дублировались, помимо русского, на немецком языке. Кроме того, некоторые из статей «Ежегодника» [Wehrli, 1928] целиком опубликованы на немецком, но с русским комментарием В. Д.

Мы позволим себе лишь коротко напомнить о тех специалистах, привлечённых Василием Дмитриевичем для публикаций в «Ежегоднике», которые были энтомологами различной специализации. Это объективно подтвердит тот высокий уровень, который сразу же установило для себя молодое провинциальное издание:

А. М. Дьяконов (1886-1956) – доктор наук, профессор, с 1931 г. по 1935 г. вице-президент Русского Энтомологического Общества, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени. Долгие годы занимая должность зоолога Зоологического института АН, в конце жизни возглавил его.

Н. Н. Филиппьев (Филиппов) (1895–1972) – энтомолог, коллекционер, описавший несколько десятков новых видов бабочек. С 1939 г. был директором зоологического Музея МГУ. Помимо этого, профессиональный дипломат, полковник НКВД. Данный

факт косвенно объясняет недостаток информации об этом загадочном и неординарном человеке. В 1941 г. Н. Н. Филиппев бесследно исчезает из научного поля зрения. Согласно записи в архивных документах, «директор музея Н. Н. Филиппов 17 октября 1941 г. выехал из Москвы, не сообщив в Музее место своего пребывания. Исполнение обязанностей директора с указанного числа возложено ректором Университета и наркомпросом на проф. С. С. Турова». [Архив МГУ. Ф. 54. Оп. 1 и 1л. Ед. хр. 97. Л. 79] Н. Н. Филиппев вновь неожиданно появился в музее, видимо, в 1965 г., и имел здесь постоянное рабочее место. Вместе с А. М. Дьяконовым он собрал богатейший материал по чешуекрылым, хранящийся в Музее МГУ, г. Москва и ЗИНе, СПб. Ещё одна загадка состоит в том, что материал этот включает и экземпляры, собранные во многих уголках мира.

С. С. Четвериков (1880-1959) – биолог и лепидоптеролог, основоположник эволюционной генетики, действительный член РЭО (с 1910), член МОИП (1913), профессор (1938), доктор биологических наук (1945). Автор этапной работы «Волны Жизни», актуальной и по сей день, кавалер ордена «Знак Почёта» и других наград. Собрал одну из крупнейших частных коллекций бабочек (*Rhoplocera* и *Heterocera*) территории бывшего СССР, которую целиком подарил в ЗИН РАН (С.-Петербург), где она и хранится ныне.

Г. Г. Якобсон (1871-1926) – один из замечательнейших русских энтомологов и крупнейших специалистов своего времени. Автор работ, сыгравших исключительную роль в развитии энтомологии в России и до сих пор остающиеся непревзойдёнными по широте замысла и по качеству выполнения – «Прямокрылые и ложносетчатокрылые Российской империи» и «Жуки России, Западной Европы и сопредельных стран».

В. Н. Лучник (1892-1936) – видный карабидолог (специалист по жукам-жужелицам), автор сотен научных, научно-популярных и прикладных публикаций. Описал более 200 новых таксонов жужелиц. Виктор Николаевич неоднократно работал с коллекцией ЗИН, а собранная им огромная коллекция жужелиц по-

ступила после его смерти в Зоологический институт АН. Лучшее всего о нём рассказывает мемориальная статья Н. Н. Плавильщикова, опубликованная в журнале «Энтомологическое обозрение» (1938, т. 27, вып. 3-4, стр. 267-280).

А. В. Мартынов (1879-1938) – советский учёный-палеонтолог, энтомолог, доктор биологических наук, профессор, научный сотрудник Палеонтологического института АН СССР, основоположник советской и российской палеоэнтомологии.

Е. фон Верли (Von Dr. Eugen Wehrli (1871–1958)) – швейцарский энтомолог, доктор наук, описавший 42 новых таксона. Дворянин.

В 1919-1920 годах, во время Гражданской войны и вплоть до 1922 года, В. Д. принял экстренные меры по сохранению волостных архивов, из которых наиболее ценными были «Архив Степной Аскизской Думы» и «Шушенский». Более 10 000 дел волостных архивов В. Д. в дальнейшем передал Архивному бюро, не считая Архива Жандармского Управления, взятого им под личную ответственность в 1917 и позже переданного в ГПУ.

Деятельность Музея не была приостановлена даже в годы инфляционных денег. Несмотря на очевидные трудности этого периода, 24 декабря 1920 г. В. Д. организует высокогорную Биометеостанцию у Буйбинского озера (хр. Ергаки – прим. Автора), ранее истребованную им у Петроградского отделения Российской академии наук. *«Несмотря на реальную пользу, которую приносила станция (на основании метеонаблюдений этой станции, нами было послано предупреждение Минусинскому Исполкому о том, что на р. Туба ожидается наводнение в мае 1922, а потому необходимо срочно убрать хлеб с пристаней. Наводнение пришло, но хлеб не пострадал, так как был своевременно убран. Тем не менее, Био Метео станция не была своевременно поддержана общественностью. Содержание её всецело ложилось на меня. Так как инфляционные деньги не принимались населением, мне пришлось давать уроки музыки и биологии лишь при условии оплаты серебряными рублями, а эти деньги тратить на содержание Станции. При отсутствии какой-либо помощи*

общественности, 19.12.1922 станцию пришлось закрыть». [Кожанчиков Л. В., 1924]

Сохранившиеся в архивах годовые отчёты Музея донесли до нас любопытные подробности о работе Био-метеостанции. Для работы с ней В. Д. подготовил четырёх сотрудников, способных работать самостоятельно. Кстати, почти за 2 года работы станции не случилось ни одного дня перебоя. Это кажется совершенно невероятным, если учесть, что ежедневно было необходимо четырежды передавать телеграфом метеорологические данные о её работе в АН СССР и в Иркутский метеорологический центр. И все эти работы, вплоть до оплаты телеграмм, проводилась на личные средства В. Д. Особо отметим, что фиксируемые в течение нескольких лет биолого-метеорологические данные, связанные с зависимостью активности бабочек от температурного режима в окрестностях Минусинска, оказались поистине уникальным материалом. Именно они дали возможность провести сравнительный анализ результатов, полученных В. Д. в течение нескольких лет в начале прошлого столетия с полученными в последние годы аналогичными данными. Это позволило автору данной статьи и его коллегам отследить весьма заметные тренды климатического смещения, о чём в ближайшее время готовится публикация.

Несмотря на невероятные сложности периода гиперинфляции, в 1923 г. В. Д. выпускает первый номер своего «Ежегодника», напечатанный, как уже отмечалось, на его личные средства, заработанные частными уроками и концертами при участии его жены (в прошлом профессиональной оперной певицы) и С. Р. Цыганкова. Короткие выдержки из «Отчёта в Отдел Музеев Главнауки» за № 167 от 18.06.1923 живо передают всю досаду и горечь, испытываемую В. Д., в связи с необоснованными и подчас абсурдными препонами, сопровождавшими публикацию «Ежегодника»: *«В конце ноября 1922 Музей приступил к изданию своего «Ежегодника», который вышел в свет только 7 апреля 1923.<>. Ограниченность средств, которыми Музею приходится оперировать в своей издательской деятельности,*

вынуждает проявлять крайнюю осмотрительность и возможно большую экономность при их расходовании. В этом, между прочим, заключается одна из причин, обуславливающая медленность печатания. Поставленный в необходимость торговаться из-за каждого рубля, Музей не может платить за печатание такую сумму, при которой работа с издаваемыми Музеем материалами могла бы быть доходной статьей типографии. Поэтому типография, выполняя в первую очередь те заказы, которые оплачиваются дороже, на заказы Музея смотрит, как на работу второстепенную, которую печатать можно лишь «между прочим», то есть, в то время, когда нет выгоднее оплаченных заказов.

Очевидно, с целью усугубить то нищенское положение, в котором находится Музей, и поставить его в совсем безвыходное положение, его издания подвергли ещё и предварительной цензуре, за что взимается с каждого печатного листа в пользу Гублита по одному золотому рублю. Надобность в предварительной цензуре трудно усмотреть, так как Музеем издаются труды исключительно научного характера, без всякого отношения к каким бы то ни было общественно-политическим вопросам и при том, крайне ограниченным тиражом. Музей, тем не менее, охотно предоставляет свои издания для цензуры, протестуя лишь против взимания полистного сбора. Однако, протесты эти не привели ни к чему и полистный сбор берут до сих пор, самым добросовестным образом и, конечно, в будущем не прекратят эти поборы». [Годовой отчёт работы Музея. 1923-1924 гг.]

Заметим, что в основных зданиях Музея работать в холодное время года тогда было невозможно, так как они попросту не отапливались. По этой причине все музейные коллекции, которые неизбежно погибли бы от резкого перепада температур, были перемещены в библиотеку, с отоплением которой проблем не возникало, при наличии угля и дров. Каким-то чудом, даже в эти сложные годы В. Д. удавалось проводить в музее хоть какой-то ремонт – организовывать покраску помещения, ремонт и покраску крыши обоих зданий и т. д.

Как он пишет в одном из годовых отчётов: «С 1925 года Музей перешёл в ведение Главнауки, что не улучшило материального положения. Смета была ничтожна по отношению к величине учреждения, не превышая 4500 рублей в год. Я получал 80 рублей в месяц, а сотрудники по 50. Следовательно, пригласить знающих сотрудников или сделать крайне необходимый ремонт было не возможно. Главнаука требовала инвентаризации экспонатов Музея, но денег на это не давала. Но главным препятствием к проведению инвентаризации было отсутствие отопления в Музее». [Годовой отчёт музея, 1927-1928, л. 36]

Далее В. Д. приводит поистине жуткие примеры того, в каких условиях тогда приходилось работать немногочисленным сотрудникам Музея: «Уже по горькому опыту я знал, что значит работать в неотопляемом помещении. В 1920-1922 годах в результате работы в помещении при -15°C произошла смерть на рабочем месте библиотекаря Л. М. Домбровской⁶, болезнь С. Р. Цыганкова, который ныне признан инвалидом I разряда и два воспаления лёгких, перенесённых мною. Общественность знала об этом по моим докладам, но помощи не было». [Годовой отчёт музея, 1927-1928, л. 36] Сохранившееся в архиве заявление В. Д. в Минусинский Уездный Исполком от 27 марта 1923 г. наглядно демонстрирует сложности, с которыми сталкивался в то время заведующий Музеем, а также то, какие пути их решения он находил. В. Д. объясняет исключительную необходимость для исследований, проводимых Музеем особой керосиновой дуговой лампы, нужной для ловли ночных бабочек, специального инсектария и лошади с телегой для перевозки оборудования и исследователей к местам полевых работ. Прекрасно понимая, что денег ему никто не даст, он «покорнейше просит выдать ему взаимобразно 3 тысячи рублей». Дальше В. Д. пишет, что: «В погашение этой суммы я буду возвращать по 700 рублей ежемесячно (речь идёт о инфляционных деньгах

---

⁶ Точная температура в помещении была зафиксирована с помощью одного из профессиональных термометров Био-Метеостанции, хранившихся в то время в помещении библиотеки. (прим. Автора)

того периода – прим. Автора), *по мере получения жалования*». Это ещё один из многочисленных примеров того, как В. Д. выстраивал работу Музея и исследовательскую деятельность, практически, на свои личные средства.

На рубеже 1927 и 1928 годов, в связи с переходом на местный бюджет в 9000 рублей, в положении Музея наметились изменения к лучшему. В первую очередь это произошло благодаря многочисленным ходатайствам и требованиям В. Д. к различным органам власти. Как он пишет: *«Эта сумма суций пустяк <>, но всё же, и с этой сметой Музей ожил!»* [Годовой отчёт музея, 1927-1928, л. 36] Сразу же началась подготовка к масштабным ремонтным работам, а сотрудникам Музея наконец-то подняли заработную плату. В. Д., как заведующий теперь получал не 80, а 100 рублей, а сотрудникам, ранее получавшим от 50 до 65, подняли зарплату до 80 рублей.

Ранее отмечалось, что к моменту вступления В. Д. в должность заведующего Музеем, имущество и экспонаты были переданы ему без какой-либо описи. Удивительно, но это факт, впервые с момента основания Музея именно В. Д., его сотрудники и добровольные помощники провели полную инвентаризацию экспонатов, документального и книжного фонда. Хорошо понимая всю ответственность этой кропотливой и важной задачи, осознавая особую ценность значительной части экспонатов (коллекция древней меди и бронзы, и подобные им экспонаты) В. Д., как обычно, сделал гораздо больше, чем кто-либо мог от него требовать. В 1925 году он на личные средства (300 рейхсмарок) заказал из Германии фотографический аппарат. С его помощью наиболее ценные предметы (экспонаты медно-бронзового отдела и ряд других) были инвентаризованы не обычным канцелярским способом, а с использованием их фотографий с описаниями. Один за другим, каждый из 10 с половиной тысяч экспонатов был сфотографирован и подробно описан. Кроме того, было создано два фотоальбома, один из которых 31 августа 1928 года был передан Академии наук. Второй альбом, предназначался для отсылки в Майнцский музей (Германия).

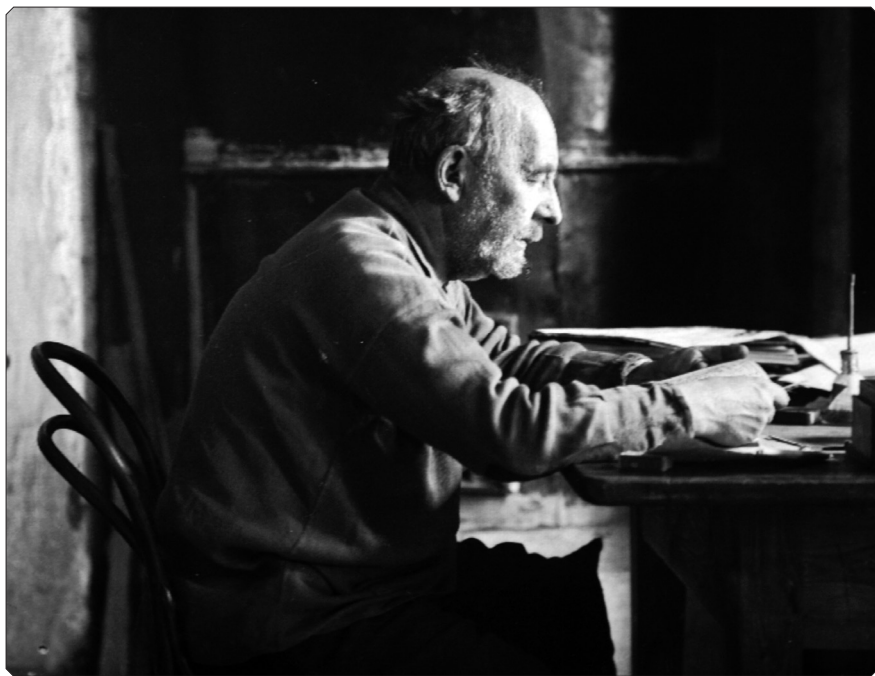
Он и был туда отправлен В. Д., но, насколько нам известно, так и не дошёл до страстно ожидавшего этот материал австрийского археолога Геро фон Мергарта. Этот европейский учёный, называвший территорию Хакасии и Минусинского края «мировой археологической Меккой», сделал большой вклад в развитие археологии юга Сибири и находился в длительной дружеской и деловой переписке с В. Д. Следует отметить, что В. Д., в качестве заведующего Музеем, вёл обширную научную и деловую переписку с многими российскими и зарубежными учёными. Уточним, что, помимо родного ему русского языка, В. Д. в совершенстве владел немецким и чуть хуже, но очень достойно, французским.

За все многотрудные и беспокойные годы работы В. Д. в качестве заведующего Музеем не был утерян ни один экспонат.⁷

В то же время, количество книг в библиотеке увеличилось на треть, а количество экспонатов на четверть. Возвращаясь к теме научной деятельности В. Д. и издаваемых им на личные средства «Ежегодников» Музея, заметим, что в период с 1923 по 1929 годы увидело свет 12 его выпусков и в пяти из них были статьи самого Кожанчикова. Значительная часть опубликованной в них научной информации актуальна и сегодня, спустя сто лет. Многие статьи «Ежегодников» цитируются, активно используются и высоко оцениваются как российским, так и международным научными сообществами. Исследовательской основой для работ В. Д. и его коллег стала собранная им уникальная коллекция бабочек и жуков Минусинского уезда. Сохранившийся в Музее материал включает в себя несколько десятков коробок чешуекрылых, собранных и расправленных В. Д. и его помощниками. Все экземпляры тщательно этикетированы, по большей части определены и, несмотря на прошедшие сто лет, находятся в очень хорошем состоянии. Отдельно хочется отметить идеальное качество и расправку большинства особей, что обычно

---

⁷ Единственное хищение в период работы В. Д. произошло в 1918 г. К счастью, оно касалась лишь предметов быта. Экспонаты и ценные предметы, хранившиеся в Музее, не пострадали.

Рис. 3. В. Д. Кожанчиков за работой. Автор фото Терехин П. А., 1927 г. Из архива Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова. НСТ ОФ 2142

не свойственно научным коллекциям и свидетельствует о высоком уровне профессионализма В. Д. и его помощников. Добавим, что хранящийся в фондах музея им. Н. М. Мартьянова энтомологический материал не является всей коллекцией или даже большей её частью, собранной В. Д. и его коллегами в период работы в Минусинске. Основная доля сборов В. Д. находится в коллекционных фондах ЗИНа в Санкт-Петербурге, а небольшая часть экземпляров хранится в Германии и Швейцарии.

Годы изнурительной борьбы за спасение Музея не прошли для В. Д. бесследно. В своём последнем ежегодном отчёте, касающемся его работы в Музее в качестве заведующего, он пишет: *«Ввиду моего преклонного возраста и плохого состояния здоровья, подорванного на службе Музею, я прошу назначить мне пенсию, которая дала бы мне возможность продолжать мои ис-*

следовательские работы по энтомологии в Минусинском крае. Я надеюсь, что моя просьба будет уважена». [АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233] Было ли В. Д. в просьбе о бесспорно заслуженной им пенсии отказано, либо состояние его здоровья стало быстро ухудшаться, для нас осталось не вполне ясным. Доподлинно известно, что вопреки планам о дальнейшей работе в Музее в качестве энтомолога, в конце 1929 года он покинул Минусинск, отбыв с семьёй в Ленинград, где в 1931 году и скончался.

Подытожим лишь те достижения В. Д. в годы работы в Минусинской губернии с 1915 по 1929, которые касаются энтомологии. Вместе с коллегами по работе он отметил в своих исследованиях и публикациях «Ежегодника» Музея 842 вида только крупных бабочек, так называемых, *Macrolepidoptera*. Значительная часть этих находок была сделана на нашей территории впервые, а несколько десятков таксонов, ранее неизвестных науке, были описаны. В качестве примеров можно привести такие из них, как *Bembecia strandi* (W. Kozhantschikov, 1936); *Euchloe ochracea naina* (W. Kozhantschikov, 1923); *Thersamonia hippothoe sajana* (W. Koshantschikov, 1923); *Leucobrepheos middendorfi nivea* (W. Kozhantschikov, 1924); *Zanclognatha tristriga* (W. Kozhantschikov, 1929); *Drasteria rada sibirica* (W. Kozhantschikov, 1925); *Apamea altijuga* (W. Kozhantschikov, 1925), *Sajania devagor* (W. Kozhantschikov, 1923); *Dichagyris inexpectata* (W. Kozhantschikov, 1925); *Xestia alexis* (W. Kozhantschikov, 1928); *Xestia gelida sublima* (W. Kozhantschikov, 1925). Пользуясь энтомологическими сборами В. Д., ещё больше новых для науки видов описали такие исследователи как С. С. Четвериков, Н. Н. Филиппьев, А. М. Дьяконов, Л. А. Шелюжко и другие. Отдавая дань уважения научным заслугам В. Д., ряд учёных назвали в его честь следующих бабочек: *Exaeretia kozhantshikovi* Lvovsky, 2013; *Insalebria kozhantshikovi* Filipjev, 1924; *Erebia kozhantshikovi* Sheljuzhko, 1925; *Aspitates kozhantchikovi* (Munroe, 1963). Имя верного помощника В. Д., Семёна Романовича Цыганкова навсегда носит бабочка-пяденица *Entephria tzygankovi* [Wehrli, 1929].

Продолжив семейную традицию, один из сыновей В. Д., И. В. Кожанчиков (1904-1958), стал доктором биологических наук, видным энтомологом, автором трёх монографий по бабочкам чехлоносам-мешечницам, волнянкам и совкам агротинам. С 1934 года он заведовал отделением экологии насекомых ЗИН АН СССР, был награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Изученный и лишь частично представленный нами материал позволяет сделать ряд заключений. Прежде всего, уже то, что В. Д. Кожанчикову удалось в столь драматичный и тяжёлый для страны исторический период сохранить Государственный музей им. Н. М. Мартьянова от разорения, а возможно, и полной гибели, демонстрирует его очевидные заслуги перед народом и государством. Однако приведённые нами факты свидетельствуют, что этот яркий, талантливый и целеустремлённый человек смог вопреки всему и практически в одиночку трансформировать Музей в исследовательский центр европейского уровня, с регулярно выходящим печатным изданием, в котором отметились своими публикациями видные учёные России, а порой и Европы. Исследовательская и научная деятельность В. Д., его помощников и коллег оставила глубокий и яркий след в науке, не потеряв своей актуальности спустя столетие. Особенно удивительными и невероятными видятся сегодня многочисленные примеры того, как В. Д. на личные средства решал, по сути, государственные задачи. Многие из приведённых в работе фактов демонстрируют совокупность административных талантов, невероятного подвижничества и высокой духовности, рисующих образ главного продолжателя и спасителя начинания Н. М. Мартьянова в самый драматичный для Музея период. Впервые проведённая при В. Д. полная инвентаризация библиотечных, коллекционных и выставочных фондов лишь дополняет и укрепляет сложившееся у нас мнение о ключевой роли В. Д. в истории Музея. То, что В. Д. удалось, большей частью, опять-таки, за личные средства, на треть пополнить библиотечный, а на четверть коллекционный

фонды, лишь добавляет яркие штрихи к и без того исключительному образу.

Тем более странным и несправедливым видится нам отсутствие обычной мемориальной доски на стене заведения, которое без самоотверженной работы этого человека, скорее всего, просто не дожило бы до нашего времени. Кажется невероятным, что столь очевидные заслуги перед городом и Музеем до сих пор не были отмечены. Между тем, как нам представляется, это произошло не случайно. В ходатайстве в СибКрайОНО от 17.11.1929 г. В. Д. пишет, что полагающаяся ему пенсия до сих пор не назначена *«по-видимому, по той причине, что лица, возглавляющие в настоящее время МинОкрОНО, вследствие кратковременности своего пребывания в Минусинске, действительно не знают, что собственно сделано мною»*. Из документа следует, что представители власти в тот период менялись настолько часто, что вновь пришедшие про деятельность поставившего В. Д. попросту ничего не знали, будучи сосредоточены на совершенно иных задачах. Кроме того, плодотворные энтомологические исследования В. Д., в силу своей специфики, могли быть по достоинству оценены лишь специалистами, которых не то что в Минусинске, но и в стране было немного. Вероятно, большинству своих современников В. Д. казался странным немолодым чудаком, который зачем-то тратил силы, средства и время на сбор, коллекционирование и изучение «каких-то козявок». И это в эпоху, когда вокруг бушевали, революции, Гражданская война, царили нужда, инфляция, разруха и неразбериха, а затем, построение «нового мира», которому этот человек, с его европейским образованием, прекрасным знанием языков и блестящей игрой на рояле, скорее всего, был не самым понятным и близким.

Но порой время радикально меняет наши приоритеты. По мере того, как сходит позолота с многих героев вчерашних дней, особенно остро ощущается недостаток в безусловных примерах для гордости и подражания. Нам представляется, что жизнь и работа исследователя, заведующего музеем им. Н. М. Мартья-

нова и музыканта Василия Дмитриевича Кожанчикова, является ярчайшим примером подвижничества, беззаветного служения своему делу и науке, о чём необходимо помнить с гордостью.

Список литературы:

1. Архив МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова (АМКМ). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 233. Лл. 33-35. Письмо В. Д. Кожанчикова о его службе в Музее с 1915 по 1929 гг.
2. Архив МГУ. Ф. 54. Оп. 1. Л. 1. Ед. хр. 97. Л. 79
3. Годовой отчёт работы Музея и Библиотеки им. Н. М. Мартьянова за 1927-1928 гг. АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 233. Л. 36
4. *Внуковский В. В.* Ревизия некоторых работ А. А. Мейнгарда и С. М. Чугунова по фауне чешуекрылых Алтая, Минусинского края, Саян и Северо-Западной Монголии // Тр. Сибирск. ин-та с/х и лесоводства, 1929-1930. – С. 275-285.
5. Годовой отчёт работы Музея и Библиотеки им. Н. М. Мартьянова за 1923-1924 гг. АМКМ. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 24.
6. *Детлова Е. В.* В. Д. Кожанчиков и Геро фон Мергард: штрихи к диалогу. // Мартьяновские краеведческие чтения. сб. докл. и сообщ. / Отв. ред. Н. А. Голованенко. Вып. IX. Минусинск. Издательские решения. 2016. – С. 323-326.
7. *Детлова Е. В., С. В. Кузьминых.* «Там было часто трудно и тягостно, но это было славное время!»: письма Геро фон Мергарта в Музей Приенисейского края // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. – 2019. – Т. 39, № 4. – С. 50-51
8. *Дьяконов А. М.* К познанию фауны Geometridae Минусинского Края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. Т. IV, Вып. I. – 1926. – С. 1-78.
9. Инвентарная карточка на МКМ Нст ОФ-2142.
10. *Кожанчиков В. Д.* Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. Т. I, Вып. I, 1923. – С. I-VII + 1-50.
11. *Кожанчиков В. Д.* Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. Т. II, Вып. I. – 1924. – С. 66-75.
12. *Кожанчиков В. Д.* Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. Т. VI, Вып. I. – 1928. – С. 64-82.

13. *Кожанчиков В. Д.* Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея имени Н. М. Мартыянова в г. Минусинске. Т. 4. Вып. 1. – 1926. – С. 79-82.

14. *Кожанчиков В. Д.* Материалы к фауне чешуекрылых Минусинского края // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартыянова в г. Минусинске. Т. 5. Вып. 1. – 1927. – С. 51-52.

15. *Кожанчиков Л. В.* Буйбинская Высокогорная Биологическая Станция // Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартыянова в г. Минусинске. Т. II, Вып. II. – 1924. – С. 75.

16. *Лоцев С. М., Максимов Р. Э.* Новые виды чешуекрылых (Insecta, Lepidoptera) Национального Парка «Красноярские Столбы», Юга Красноярского края и Хакасии // Научные исследования в Заповедниках и Национальных Парках Сибири. Вып. 10. Новосибирск: СО РАН, 2021. – С. 23-27.

17. *Мартынов А. В.* Заметки о ручейниках (Trichoptera) Минусинского края // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартыянова в г. Минусинске – 1924. – Т. 2, вып. 3. – С. 62-98.

18. *Мартынов А. В.* К познанию Trichoptera Минусинского края 2. Сборы в районе оз. Буйба // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартыянова в г. Минусинске. – 1924. – Т. 2, вып. 3. – С. 99-107.

19. *Мейнгард А. А.* Обзор энтомологических сборов, произведенных в Западных Саянах и на Енисее с 5-го августа по 8-е сентября 1903 года. Томск. – 1912. – С. 15.

20. МКУ «Архив г. Минусинска» (АГМ), Ф. Р-25., Оп. 1. Д. 975. [Исполнительный комитет Минусинского уездного Совета РК и КД. 1918-1925 гг. Автобиография Кожанчикова Василия Дмитриевича от 24.11.1924 г.]

21. Сибирская советская энциклопедия. / Ред. М. А. Азадовский. 1931. Кожанчиков В. Д. – С. 787

22. *Синев С. Ю.* (ред.) Каталог чешуекрылых (Lepidoptera) России. Издание 2-е. Санкт-Петербург: Зоологический институт РАН, 2019. – 448 с.

23. *Сушкин П. П., Четвериков С. С.* Lepidoptera Минусинского уезда, Западного Саяна и западной части Урянхайской степи // Труды Русского энтомологического общества. Спб., 1907. Т. XXXVIII. – С. 3-34.

24. *Филиппев Н. Н.* Microheterocera Минусинского края // Ежегод-

ник Гос. Музей им. Н.М. Мартьянова в г. Минусинске – 1924. – Т. 2, вып. 3. – С. 1-44.

25. *Филиппев Н. Н.* Microheterocera Минусинского края. Доп.1 // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. 1924. – Т. 2, вып. 3. – С. 45-61.

26. *Филиппев Н. Н.* Microheterocera Минусинского края. Доп.2 // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. 1927. Т. 5, вып. 1. – С. 1-9.

27. *Филиппев Н. Н.* Новые и малоизвестные ночницы из Минусинского края // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. 1925. Т. 3, Вып.1. – С. 59-67.

28. *Четвериков С. С.* Заметки по систематике ночниц (Lepidoptera, Noctuidae) Минусинского края // Ежегодник Гос. Музей им. Н. М. Мартьянова в г. Минусинске. 1925. Т. 3, Вып. 1. – С. 53-58.

29. *Чугунов С. М.* Чешуекрылые, собранные летом 1909 г. на озере Инголе, Енисейской губернии // Русск. Энтомол. Обзор., т. XII, в. 2. – 1912. – С. 216-219.

30. *Чугунов С. М.* Чешуекрылые, собранные летом 1912 г. в Минусинском уезде Енисейской губернии // Русск. Энтомол. Обзор., т. XIII, в. 2. – 1913. – С. 360-367.

31. *Якобсон А. Г.* Поездка в Абаканские горы // Тр. Русск. Энтомол. Общ., т. XXXV, 1-2. – 1901. – С. 5-14.

32. *Maksimov R. E., Ivanov M. A., Knyazev S. A.* New records of Heterocera (Insecta, Lepidoptera) from the Republic of Khakassia & South of Krasnoyarsk region (South Siberia, Russia) / Acta Biologica Sibirica, 2019, 5(4). – pp. 12-20.

33. *Wehrli E.* Beitrag zur Geometriden fauna von Minussinsk Bezirks // Jarbuch des Martjanovischen Staatsmuseums in Minussinsk (Siberien), VI, (I), 1928. – Pp 8-30.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Максимов Роман Эльмирович,

энтомолог (внештатно), Государственный природный заповедник «Хакасский», г. Абакан, Россия.

riverabakan@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Maksimov Roman Elmirovich,

Freelance entomologist of the Khakassky State Nature Reserve,

Abakan, Russia.

riverabakan@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. АРХЕОЛОГИЯ И ПАЛЕОНТОЛОГИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ.....3

Бутанаев В. Я. ХАКАСИЯ РАСКРЫВАЕТ НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ РУНИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. KHAKASIA REVEALS NEW MONUMENTS OF ANCIENT TURKIC RUNIC WRITING.....3

Л. В. Еремин. ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В XVIII-XIX ВЕКАХ. THE STUDY OF THE ANTIQUES OF THE KHAKASS-MINUSINSK BASIN IN THE XVIII-XIX CENTURIES.....11

П. Ю. Федоренко, В. А. Конохов. ГАЛЕРЕЯ ДРЕВНИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Н. М. МАРТЬЯНОВА: АКТУАЛИЗАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. THE GALLERY OF ROCK MONUMENTS OF THE N. M. MARTYANOV MINUSINSK REGIONAL MUSEUM. ACTUALIZATION OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE.....19

РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЯ СИБИРИ.....34

О. М. Долидович. МИНУСИНСКИЙ УЕЗД В ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. MINUSINSKY DISTRICT IN THE FOOD SUPPLY OF THE POPULATION OF THE YENISEI PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR.....34

Т. А. Кискидосова. МАТЕРИАЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ О СОСТОЯНИИ ГОРОДСКИХ БОЛЬНИЦ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛО-

ВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. MATERIALS OF THE REGIONAL PERIODICAL PRESS ON THE STATE OF THE CITY HOSPITALS OF THE YENISEI PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURY.....44

А. П. Шекшеев. ВЗИМАНИЕ ЕДИНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЛОГА НА ТЕРРИТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923/24 г. COLLECTION OF A SINGLE AGRICULTURAL TAX ON THE TERRITORY OF THE YENISEI PROVINCE IN 1923/24.....60

РАЗДЕЛ III. ОНОМАСТИКА И ТОПОНИМИКА.....81

В. В. Нагорных. ЕСТЬ УЛИЦЫ ЦЕНТРАЛЬНЫЕ... THERE ARE CENTRAL STREETS.....81

РАЗДЕЛ IV. МУЗЕЙ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ.....101

И. А. Грачёв. КОЛЛЕКЦИЯ ХАКАССКИХ ТРЯПИЧНЫХ КУКОЛ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА. COLLECTION OF RAG DOLLS OF KHAKAS IN THE MINUSINSK MUSEUM OF LOCAL LORE NAMED AFTER N. M. MARTYANOV.....101

Р. Э. Максимов. ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ КОЖАНЧИКОВ. МИНУСИНСКИЕ ГОДЫ (1915-1929 гг.). W. D. KOZHANTSCHIKOV. MINUSINSK YEARS (1915-1929).....107

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЪЯНОВА
(научное издание)
Выпуск 4

Оригинал-макет: О. В. Войда

Подписано в печать:
Формат: 60x84¹/₁₆ Гарнитура: Minion Pro
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Издательские решения»